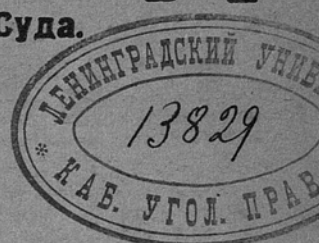

РАБОЧИЙ СУД

Издание Ленинградского Губернского Суда.

СОДЕРЖАНИЕ:

Основы режима в исправительно-трудовых учреждениях.— <i>Е. Ширвиндт</i>	617—620
Наша карательная политика.— <i>А. Вышинский</i>	621—623
Изменения ст. ст. 113 и 176 Уголовного Кодекса.— <i>Л. П.</i>	624—627
Мои наблюдения. Из практики Каскоколлегии.— <i>Ф. Колпалов</i>	628—631
Права супругов на имущество.— <i>Н. Топоров</i>	632—636
Борьба с безбилетным проездом по железным дорогам.— <i>С. Тагер</i>	637—639
Встречный иск.— <i>Б. Я. Рабинович</i>	640—641
Профсоюзы и юридическая помощь членам союзов.— <i>А. Искин</i>	642—644
О раз'яснениях.— <i>Л. П. Асин</i>	645—647
Право и деревня.— <i>Квинтов</i>	648—649
О крестьянском дворе и о праве его на землю.— <i>Н. Шмускович</i>	650—652
Влечет-ли за собой рекомендация ответственность?— <i>Б. Мовчановский</i>	653—657
О видах обеспечения иска.— <i>Е. Порожкина</i>	658—659
К вопросу о порядке производства дел по 130 ст. Уг. Код.— <i>Ц-ров</i>	660—663
Новеллы Азербейджанского УК.— <i>П. Любарский</i>	664—665
О научной юридической мысли и пролетарской судейской правде.— <i>М. Ривкин</i>	666—667
Кассационная практика	668—672
Заметки по вопросам практики	673—676
Вопросы и ответы	677—679
Вести с мест	680—683
Хроника. Деятельность бюро юрисконсультов при Севкавказвнутриторге.— <i>Д. Е. Розенберг</i>	683—684

Законодательная хроника	685—692
Жилищное дело	
О бесхозной мебели	693—699
О расторжении договоров с жилтовариществами на дома	699—700
О стресниях, занятых лечебными учреждениями	700
О жилищных делах научных работников	700
О выселении в административном порядке	701
О сохранении помещений за командированными	701
Отмена обязанности домоуправлений выплачивать подрядчикам часть платежей облигациями займа	702
Раз'яснение ГУКХ о праве снятия электрических проводов при оставлении квартиры	702
Налоги, пошлины и сборы	
Крестьянские общества взаимопомощи и льготы им по налогам	703
Льготное обложение деревенских ремесленников и кустарей	703—704
Гербовый сбор в практике Судов	705—706
Льготы по гербовому сбору издательствам	706
Освобождение от гербового сбора квитанций рыночных комитетов	707
Освобождение квитанций лесничих от гербового сбора	707
Раз'яснения на запросы читателей	707
Из практики обложения рабочих и служащих подоходным налогом	707—708
Налоговая памятка	708
Об'явления	709—712

№ 15—16.

Ленинград — 1925 год.

№ 1.

Ленин в изображениях заключенных. С 6 рисунками—*Ф. Неубин*.

Сочинения Ленина в царской цензуре и суде. Судьба 11 „запрещенных“ сочинений Ленина.

Ленин и 9 января 1905 года. Выдержки из статей Ленина о 9 января из газеты „Вперед“.—*Д.*

9 января. По воспоминаниям политического защитника. (С 4 иллюстрациями).—*Владимир Беренштам*.

„Убитых 1216, раненых овшье 5000“ „Кровавое Воскресенье“. (С 5 иллюстрациями).

Суд над Галеном. (С 3 иллюстрациями).—*Р. Моисеев*.

Суд над Очановцами. Процесс П. П. Шмидта и 43 его товарищей. (С 4 иллюстрациями).

За рубежом. Труженницы моря. Стачка сардинских в Бретани (Дуарнен). Белый террор под маской правосудия. К пересмотру процесса рабочих Сакко и Ванцетти. (С 2 портретами).

№ 2.

Свобода, равенство и братство. В застенках республиканской Франции.—Из воспоминаний Андре Марти.—*О. Дессим*.

Из-за Филиппа Манедононо. Записки заключенного.—*С. Боннар*.

Суд и жизнь. Любовь. Отцы и дети. Святое материнство.—*М. Жоценко*.

О кананизме и борьбе с ним.—*Н. Семашко*.

Из материалов по быту Ленинградской деревни.—*А. Томашевский*

В суаходешем доме.—*С. Бройде*.

Тайна горбуна.—*В. Губенко*.

Советской власти нужна. По материалам Ленинградского Угрозиска.

Мертвый цвет.—*Сергей Волков*.

Взяла 10 денежных шафов. Дело шайки „шиферов“. По данным Уголовного Розыска.

На Чортов Острове. К тридцатилетнему делу Дрейфуса.

Из залы Суда. Жена или прислуга. Оскорбитель.—*П. Г.-а*. Дела семейные—дела разводья. Должна влать. Супруги Ривкины.—*В. Поилец* и кормилец.—*М. Нетлений* и свидетель.—*Сергей Томский*.

Жизнь и суд за рубежом. Дело Барматов.—Скандалный процесс в Венгрии. Человек с деревянной ногой.—Как борются с проституцией в Западе.—Фальшивомонетчики.—Военный заговор в Греции.—Загадочное преступление.

№ 3.

Товарищ Камо.—*Черноморский*.

Уголок Ленина.—В клубе Административного Отдела Ленинградского Губисполкома. Работы заключенных.

„Судить военным судом и повесить в 24 часа!“ Царь и суд (Александр III).—*Р. Кантор*.

За что Маргарита в тюрьму попала? Опера „Фауст“ в Испрадоме. Записки заключенного.—*С. Боннар*.

Тайна квартиры № 9. По материалам следствия и дознания.—*А. Васильев*.

Продавцы и купившие. Дело бывших работников Кожтреста.—*Вл. Холодовский*.

Преступный океан. Суд в Изоляторе специального назначения (б. „Кресты“). Дело о буйстве 23 заключенных.—*Е. Лагановский*.

Бунт бедных против богатых в древней Руси. (Полтора века тому назад). К 150-летию казни Емельяна Пугачева.

Из залы Суда. Хороший урок. (Выездная сессия Московского Губсуда в с. Федосеево Коломен. у.) „Балит Вабий выук“.

(Выездная сессия Харьковского Губсуда в Сумах).—*В.*

В Народном Суде. „Богин“, Иван Крошталеский и топорщик. (Ново-Николаевский Нарсуд). Физионометка. (Московский Рогожско-Симоновский Нарсуд).—*М. Т. Соора* с айсорамп. (Ленинградский Нарсуд).—*Сергей Томский*.

Жизнь и суд за рубежом. Преступление черных блуз. Фашистская юстиция в Италии.—*Ю. Г.* „Свобода слова“ в Финляндии.—*Е. Р.*

№ 4.

Товарищ Камо. (Окончание).—*Черноморский*.

И один в поле воин. Дело об убийстве И. А. Давыдова, члена ВЦИК от беспартийного крестьянства.—*Прокурор при Уголовно-Судебной Коллегии Верховного Суда А. Вышинский*.

Суд над фразией большевиков IV Государственной Думы. К десятилетью. По данным обвинительного акта.

Из галереи типов МУРа. По данным Московского Угрозиска.—*С. Тагер*.

Герои ст. 181-ой. Скупщики заведомо краденого.—*Э. Гард*.

Среди вину инкупирующих. Из заметок заключенного.—*Не „Мертвый дом“, а лаборатория. З. является „злая воля“.* Наглядное обучение. Лекционный способ. В порядке дискуссии

Общая атмосфера.—*С. Боннар*.

Чужие деньги. По ст. 113 УК.—*Н. Васкаков*.

Заблудившаяся.—*Н. Александрович*

В редакции журнала „Суд идет!“—*Слесарь Н. Козлов*.

Из залы Суда. На хуторе (Курский Губсуд). Конец „Домострою“.

(Новоиколаевский Губсуд).—*В. Поп-соблазнитель*.—*И. В*

В Народном Суде. Но.—*П. Г.-а*. Пристрастная ревизия.—*Сергей Томский*.

Жизнь и суд за рубежом. „Накануне процесса коммунистов в Румынии.“

№ 5.

Ленин в тюрьме и ссылке.—*И. Самойлов*.

На свободу! Ольга Любатович в ссылке, в Сибири. Бегство из Ядугорова в Петербург. Арест в Петербурге. Побег.—*В. Т*

„Моюновная, Ю“. В Жилищной Камере.—*Н. Александров*.

Среди вину инкупирующих. Из заметок заключенного. Старым путем пойдут.—*Вину инкупирующие. Власть тьмы и голода.*—*Классовые враги.*—*Чью вину инкупируют. В чем же решение вопроса.* (Окончание).—*С. Боннар*.

Дача № 54. По материалам следствия.—*Д. Бесталов*.

Чудеса человеческой хитрости. Музей контрабанды при Управлении Ленинградского Тамозенного Округа.—*Е. Лазанский*.

Из залы Суда. Своей дочке дядя. (Вологодский Нарсуд). Изоляция за изоляцией. (Вологодский Губсуд). Пламя (Новгородский Нарсуд).—*Лидия Лесная*. Потерпевшие и „потерпевшие“.—*С. Сурков*. Страшное убийство.—*И. Б. Чернышев*.—*В.*

В Народном Суде. Мать и сыновья. Коварный слесарь и доверчивая конторщица.—*Сергей Томский*. Разводятся.—*Витт Козлов*.

Жизнь и суд за рубежом. Очередная провокация английских лордов.—*Кровавый хорювод*.—*Магараджа Индии*—убийца.

№ 6.

Ленин в тюрьме и ссылке. (Окончание).—*И. Самойлов*.

Романовы за решеткой. Быв. пел. князя Николай Михайлович и Павел Александрович. Из воспоминаний б. организатора Коллектива ДИЗ—*Ф. Куликюва*.

Стены. (Из заметок заключенного). Торжествующие стены. Издеваются стены. Провоцируют стены.—*С. Боннар*.

В Пустоши. Выездная сессия Губсуда.—*А. Тимофеев*.

Воры. Случайные воры. Первая кража. Свой Рецидивист.—*Э. Гард*.

Общество „Долой Преступность“.—*Эрде*.

„Здесь починают детей“. Из жизни учреждений для дефективных детей.—*Н. Гарденин*.

Культура в исправдоме. (С 3 иллюстрациями).—*С. Бройде*.

Необычайный юбилей. Юбилей газеты „Голос заключенного“

Из жизни Пензенского Губисправдома.—*Г. Рыжков*.

В мастерской на Обводном канале. По материалам следствия и дознания.—*И. Юрьев*.

Снамя подудимых. Деревянная темюта. (Выездная сессия Пензенского Губсуда).—*В. Тро*. Чудотворница (Харьковский Нарсуд).—*М. Сын* четырех отцов. (Московский Бауманский Нарсуд).—*Т. Юные убийцы* (Выездная сессия Вологодского Губсуда).—*Владимир Бутыков*.—*Отцы и дети* (Выездная сессия Московского Губсуда в гор. Волоколамска).—*В. Трокий*

В Народном Суде. Драма в двух действиях.—*И. Микин*. Потерянный рай.—*С. Томский*.

Жизнь и суд за рубежом. В польском аду. Истязания и пытки заключенных революционеров в польских тюрьмах.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА С ДОСТАВКОЙ:

с 1-го номера до конца года **6 руб.** ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА: при подписке 3 руб.—остальные 3 руб.—1 июля. Для подписчиков „Рабочего Суда“—за год **5 руб.**

Подписка и объявления принимаются: в конторе издательства „Рабочий Суд“ Ленинград, Просп. 25 Октября, 54, тел. 1-72-64 и 2-32-34, в Москве в отделении редакции: Страстной бульвар, 4, тел. 261-45, во всех почтово-телеграфных учреждениях СССР, а также через особо уполномоченных агентов.

РАБОЧИЙ СУД.

Основы режима в исправительно-трудовых учреждениях.

В отличие от западно-европейских тюремных уставов, имеющих характер ведомственных инструкций и подробно регламентирующих все детали режима и внутреннего распорядка мест заключения, — наш Исправительно-Трудовой Кодекс, как законодательный акт большого принципиального значения, ограничивается установлением лишь наиболее важных и общеобязательных правил режима, причем в первую очередь выделит принципиальные его основы.

Основные моменты, характеризующие нашу уголовную политику во время исполнения приговора, изложены в „Общих положениях“ Исправительно-Трудового Кодекса (ст. 1-10), что же касается самых основ режима в местах заключения, то изложение их (ст. ст. 48-50) является как-бы введением к той „особенной“ его части, которая предусматривает организацию режима и важнейшие моменты в жизни заключенного.

Согласно основным началам нашего уголовного законодательства, лишение свободы, как меры социальной защиты, имеет задачей не „кару“ или „возмездие“, а общее предупреждение преступления и приспособление преступника к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия. Это исправительно-трудовое воздействие осуществляется неуклонным проведением во всех местах заключения двух принципов: общеобязательного труда заключенных и культурно-просветительной работы. Согласно ст. 48 Исправительно-Трудового Кодекса, на правильном их сочетании основывается режим в местах заключения. В исправительно-трудовых учреждениях „прогрессивного“ типа — колониях, переходных исправдомах, число которых с каждым годом увеличивается, принципы эти получают особое углубление. В изоляторах

особого назначения установлены некоторые отступления от общего режима в направлении большей строгости. Однако и в них, как определенно подчеркивается Кодексом, остаются в полной силе основные методы пенитенциарного воздействия — труд и просвещение.

При таких условиях режим в местах заключения должен быть свободен от всяких признаков мучительства и унижения человеческого достоинства. Момент причинения страданий и унижения не только не совместим с принципами нашего уголовного законодательства, но являясь-бы в корне нецелесообразным, т. к., озлобляя заключенного, противодействовал-бы основным задачам нашей исправительно-трудовой политики. Чтобы резко подчеркнуть пропасть, отделяющую нашу систему от карательных систем буржуазных государств, наш Кодекс определенно запрещает применение к заключенным мер физического воздействия: кавдалов, наручников, карцера, лишения пищи, свидания заключенных с их посетителями через решетки и т. п. Подобные методы „перевоспитания“ преступника, широко применяемые до сих пор в европейских тюрьмах, не могут иметь места в наших исправительно-трудовых учреждениях. Особенно важное значение имеет неопущение нашим Кодексом строго-одиночного заключения, которое предусматривается почти всеми западно-европейскими законодательствами и притом на долгие сроки. Наша задача — не „отлучать“ правонарушителя от общения с другими людьми, а, наоборот, приспособить его к условиям общежития. Поэтому, согласно Кодексу, изоляция допускается лишь в дисциплинарном порядке на срок до 14 суток (с ежедневной выдачей горячей пищи и выводом на прогулку через два дня на третий),

причем изоляция на срок свыше 7 суток должна быть утверждена Наблюдательной Комиссией места заключения.

Применение лишения свободы в наших местах заключения организуется по прогрессивной системе. Заключенные подвергаются различному режиму, для чего распределяются по исправительно-трудовым учреждениям разных типов и разделяются в них на разряды переводом из низших в высшие и обратно в зависимости от особенностей их личности, социального положения, мотивов и причин преступления, поведения и успехов в работе и занятиях. При этом принимаются все меры к устранению вредного влияния худших и наиболее опасных заключенных на остальных и к развитию самостоятельности заключенных, направленной к приобретению свойств и профессиональных навыков, необходимых для трудовой жизни в обществе (ст. 7-8).

Самый режим в местах заключения строится по прогрессивной системе так, чтобы в зависимости от характера и свойств заключенных и продолжительности их пребывания в том или ином исправительно-трудовом учреждении, они могли в большей или меньшей степени проявлять свою инициативу и самостоятельность (ст. 50).

Прогрессивная система в отбытии лишения свободы, оказавшая влияние на законодательство почти всех западно-европейских государств, является, несомненно, наиболее целесообразной из существующих пенитенциарных систем. В той форме, в которой она проводилась у нас до введения Исправительно-Трудового Кодекса, были несомненные недостатки. Действовавшее до издания Кодекса „Положение об общих местах заключения“ не учитывало в должной мере классового момента и, ставя в одинаковые условия прохождение прогрессивной системы мало сознательного крестьянина и высоко-сознательного напмана, тем самым создавала для т. н. буржуазных элементов почти привилегированное положение в смысле получения различных льгот, связанных с повышением в разрядах. Противники прогрессивной системы не без основания указывали, что наши „классовые враги“, являясь более культурными и удобными для администрации мест заключения по своему безукоризненному поведению, легко могут проникать в разряды исправляющихся и образцовых и пользоваться преимуществами, даваемыми этими разрядами, в гораздо большей мере, чем менее их

культурные заключенные из класса трудящихся, доставляющие несомненно больше беспокойства администрации.

Этот недостаток нашей прежней прогрессивной системы устранен Исправительно-Трудовым Кодексом, где классовый принцип проводится строго и систематично.

Наряду с моментом прохождения заключенными разрядов (низшего, среднего и высшего) мы находим в классификации, проводимой Исправительно-Трудовым Кодексом, момент отнесения заключенного к одной из трех устанавливаемых им категорий. Если прежде „Положение об общих местах заключения“, тоже устанавливавшее категории заключенных, исходило из признаков корыстности преступления и рецидива, то Исправительно-Трудовой Кодекс, при отнесении заключенных к той или другой категории, руководится уже классовым принципом и учетом социальной опасности преступника. Категория — это свод признаков, устанавливающих большую или меньшую степень опасности заключенного для общества и трудности приспособления его к условиям общежития. Отнесение преступника к той или другой категории дает указание на целесообразность большей или меньшей суровости в применении к нему прогрессивной системы и делается условием более скорого или замедленного прохождения тех ступеней ее, которыми являются разряды.

Этим, несомненно, вносится серьезный корректив в исправительную систему, и принцип классовой, последовательно проводимый в нашей уголовной политике, получает надлежащее применение и в исправительно-трудовом деле.

Таковы, в общих чертах, основы режима в исправительно-трудовых учреждениях. Необходимо, чтобы все темное наследие старого „тюремного“ режима, продиктованного чуждой нам идеологией, было в корне изжито в наших пенитенциарных учреждениях. Нужно помнить, что основные начала нашей исправительно-трудовой политики являются одним из ценных завоеваний революционного правосознания, в корне изменившего взгляд на преступников и на преступность.

К правильному и вдумчивому проведению их в жизнь должна быть направлена вся энергия работников исправительно-трудового дела.

Е. Ширвиндт.

Наша карательная политика.

В последнее время буржуазные юристы, — криминалисты и тюрьмоведы по преимуществу, — проявили особенно резкое беспокойство по части карательной политики своих государств. На страницах ученых трудов и полу-публицистических работ все настойчивее и настойчивее раздаются голоса, подвергающие господствующим здесь карательным системам сомнению. Слышатся голоса прямого разочарования и глубокой безнадежности, предсказывающие и, пожалуй, даже уже констатирующие полный крах тех мероприятий по борьбе с преступностью, которые культивируются буржуазным правом.

„В тюрьме, — пишет Гогель, — разочаровались все и окончательно: и законодатели, и криминалисты, и тюрьмоведы, — это факт, который оспаривать нельзя и который имеет громадное значение“.

Но тюрьма — единственно реальная мера борьбы с преступностью в капиталистическом обществе! И если сами буржуазные юристы удостоверяют крах тюрьмы, то вполне естественным является охватывающий их ряды пессимизм, провозглашающий бессилие „общества“ и торжество „мятежного племени“ преступников (см., напр., проф. Гарро: „Современные задачи уголовной репрессии“).

Тем интереснее и значительнее становится проблема борьбы с преступностью в нашей постановке, в постановке ее Советским уголовным правом.

Это тем более интересно, что наше Советское уголовное право все более и более привлекает к себе внимание наших врагов, окопавшихся в столицах буржуазных государств. В этом отношении знаменательный факт представляет двухтомная работа русских белогвардейских юристов, заседавших в Праге, — проф. Алексеева, Маклецова и др., брызжащих бешеной слюной буржуазной ненавистью на успехи молодого пролетарского государства. Как и следовало ожидать, наибольшему нападению со стороны этих „заштатных“ профессоров, лишенных волею Октябрьской революции своих университетских кафедр, подвергается наша „классовая юстиция“.

„Советское уголовное право, — пишет один из этих „профессоров“, — является материальной основой (?!) А. В.) для осуществления т. наз. классовой юстиции, а в области борьбы с посягательствами на существующий строй и особо охраняемые им интересы утверждает систему карательного терроризма...“ В другом месте содержится указание на то, что все „советское государство носит подчеркнуто-боевой, милитарный характер“, что оно существует благодаря голой силе и что

„диктаториальная власть“ (очевидно, это должно обозначать диктатуру пролетариата!) охраняется нашим судом, „специально приспособленным вместе со всей своей карательной системой именно к этой цели...“ Вот уж по-истине — „слепой курице — все пшеница“!.. Белые юристы не замечают того, что составляет самое существенное содержание нашей карательной судебной политики, чем она так решительно отличается от карательной политики буржуазных стран, — все внимание их сосредоточивается на одной (и в нынешнее время, после окончательного поражения белой контр-революции, очень незначительной) части всей грандиозной плоскости нашей карательной системы.

Центр нашей карательной политики в условиях 1924—25 г.г. они видят там, где его в действительности нет. Они не понимают, что центр этот давно уже передвинулся, что борьба с контр-революционными преступлениями почти вовсе исчезла из практики наших Судов, и что наша судебная мысль бьется над вопросами, не имеющими ничего общего с преходящими интересами политики.

В этом отношении изменение столь велико, что самая терминология — „карательная политика“, „мера наказания“, „карается“ и т. п. — оказывается уже устаревшей, непригодной для выражения господствующих в нашей судебной практике направлений.

Можно утверждать, что наша система борьбы с преступлениями все более и более теряет свой карательный характер и усваивает такие черты, которые вполне соответствуют названию Кодекса, регулирующего жизнь и работу мест лишения свободы, как *Исправительно-Трудового Кодекса*.

Исправительно-трудовое воздействие на преступника может быть осуществляемо лишь в условиях большего или меньшего благополучия государственного хозяйства: оно требует таких материальных затрат, какие обычно недоступны государству, переживающему глубокий исторический кризис.

Вот почему реальные успехи исправительно-трудового режима в нашей карательной системе первых лет гражданской войны далеко отставали от воодушевляющих нашу революцию принципов. Нужно иметь в виду еще и то обстоятельство, что самое понятие „трудового“ режима нами мыслилось (и мыслился) по новому, вовсе не так, как это мыслилось старому, до-революционному законодательству.

Старое законодательство тоже признавало всю

важность работ в домах заключения и весь вред свившей здесь себе гнездо арестантской праздности.

„Праздность,—писал 30 с лишним лет тому назад известный криминалист Таганцев,—при совместном помещении арестантов была главным основанием нравственно-растлевающего влияния старой тюрьмы“.

Отсюда делалось заключение о тюремной работе, как первом условии правильно организованного тюремного режима.

Нечего, однако, и говорить, что „работа“ в старой тюрьме вырождалась в „каторжную работу“, в новый вид мучительства и издевательства над человеком, имевшим несчастье стать уголовным сидельцем до-революционной тюрьмы.

В процессе т. наз. царских тюремщиков, прошедшем в прошлом году в Верховном Суде Республики, обнаружилась эта особенность тюремных работ царской эпохи с вопиющей силой. „Работали“ в мастерских (напр., Орловской тюрьмы) в таких условиях, что арестантам приходилось из верстаков строить баррикады, а стамески, долото и топоры обращать в оружие для самозащиты от царских опричников, специалистов по „приемкам в баню“, по „загибанию петушков“, „уточек“ и т. п.

Революция уничтожила старую тюрьму и изгладила из памяти страшные воспоминания этого прошлого. Но революция не могла остановиться

на этом. Она предъявила новые требования—перестроить тюремный уклад, тюремный режим; обновить всю систему карательного воздействия; перевести это воздействие в плоскость труда и исправления в настоящем, социалистическом, человеческом смысле этих слов. Задача—колоссальная, грандиозная, казалась-бы, даже неразрешимая в тех тяжчайших хозяйственных условиях, в каких до последнего времени находилась Рабоче-Крестьянская Республика.

Тем не менее наше исправительно-трудовое дело неуклонно развивалось, не останавливаясь в своем постуательном движении даже в такие годы, как памятный 1921 год.

В этом году количество работающих в домах лишения свободы по сравнению с 1919 годом увеличилось *впятеро*. После 1921 года успехи трудовой исправительной системы сделали еще более значительными: теперь в работах участвуют уже 38% всех заключенных!

Это—крупное государственное достижение! Это—одна из блестящих побед нашего нового строительства!

Из области теоретических построений Советской Власти удалось перейти в область живой и конкретной практики, оказывающей, в свою очередь, громадное влияние на „ход идей“, получивших свое отражение в действующем ныне Исправительно-Трудовом Кодексе.

А. Вышинский.

Изменения ст. ст. 113 и 176 Уголовного Кодекса.

Президиум Ленинградского Губисполкома в заседании своем от 4 апреля рассматривал вопрос об изменении действующей редакции 113 и 176 статей УК РСФСР и принял постановление о необходимости изменения редакции этих статей, утвердив внесенный Орг'отделом и Секцией Внутреннего Управления Ленингр. Совета проект, причем возложил на Ленинградскую делегацию проведение этого вопроса на Сессии ВЦИК. Изменение редакции этих статей вызывается жизненной необходимостью, и судебные работники встретят это начинание Губисполкома с большим удовлетворением.

Непосредственным толчком, побудившим Губисполком поставить вопрос об изменении именно этих статей во внеплановом ударном порядке, послужили последние выборы в Ленинградский Совет. Можно без преувеличения сказать, что не происходило почти ни одного избирательного рабочего собрания, где бы вопрос о растратах и хулиганстве не ставился на обсуждение. В виде дополне-

ния к наказу своим избранныкам в Совет рабочие массы, с вивоз, требовали особенного внимания Совета к борьбе с растратчиками и хулиганами, усиления репрессии по отношению к ним. Совершенно ясно, что, не смотря на громадную энергию и напряженные, которые наши Суды проявили в этой борьбе, они не вполне удовлетворили рабочие массы. Исследуя это явление, Губисполком пришел к выводу, что одной из основных причин, препятствующих проведению этой кампании, является неудовлетворительная редакция указанных статей.

Действующая редакция 113-й ст. в первой части говорит, что присвоение или растрата должностным лицом денег, ценностей или другого имущества, находящихся в его ведении в силу его служебного положения, карается лишением свободы на срок не ниже одного года и увольнением от должности. По проекту Губисполкома первая часть гласит: „присвоение или растрата должностным лицом, состоящим на государственной или общественной службе по назначению или выборам,

находящихся в его ведении в силу его положения денег, ценностей или иного имущества, карается лишением свободы на срок не ниже одного года и увольнением от должности“.

В проекте Губисполкома уточняется понятие должностного лица, подчеркивается, что общественная работа по выборам всецело приравнивается, в согласии с примечанием к 105 ст. Уголовного Кодекса, к должностным лицам, и совершенная ими растрата есть должностная растрата; в соответствии с этим и исключено слово „служебного“ положения.

Первая часть 113 ст. особых сомнений на практике не вызывала, и гораздо хуже обстоит дело со второй частью этой статьи.

По действующей редакции, „те же действия, совершенные должностным лицом, облеченным особыми полномочиями, или присвоение особо важных государственных ценностей, карается наказаниями, предусмотренными 2-й частью ст. 106“. Расшифровать, кто у нас в губернии является должностным лицом, облеченным „особыми“ полномочиями, или же какие ценности являются „особо“ важными государственными ценностями, — задача чрезвычайно трудная. Вследствие этих причин применение 2-й части 113 ст. на практике сводится на-нет, и та высшая мера социальной защиты, которая могла бы быть применена по 2-й части, остается пустым звуком.

По проекту Губисполкома 2-я часть ст. 113 редактирована следующим образом: „Те же действия, совершенные при условии, как-то: а) ответственного положения должностного лица; б) при наличии прежней судимости за растрату; в) если она производилась систематически или путем учинения подлогов и г) при особо крупных размерах растратченного или присвоенного — карается лишением свободы на срок не ниже 3-х лет, а при отягчающих вину обстоятельствах — высшей мерой наказания“.

В этой редакции вводится целый ряд квалифицирующих признаков, дающих возможность вести действительную борьбу со злым растратчиком, не смешивая его в одну группу со случайным растратчиком, как это было до сих пор. Вместе с тем, проект, выпукло оттеняя классовый подход и в вопросе о растратах, предлагает к 113 ст. следующее примечание: „Впервые совершенные трудящимся, по нужде, мелкое присвоение или растрата, если сумма таковой не превышает 100 руб., карается — в дисциплинарном или административном порядке, с возложением обязанности возместить причиненный деянием ущерб, и увольнением от должности“.

Борьба с растратами продолжает стоять перед нами так же остро, как и до сих пор. Вся та большая работа, которая сейчас предельвается

нашими государственными и общественными организациями в деле предупреждения и выявления растрат, — усиление и подбор ревизионных органов и должностных лиц, ведающих ценностями, несомненно даст свои положительные результаты. Но этим ни на минуту не должна ослабляться, а, наоборот, должна усиливаться судебная репрессия по отношению к выявленным растратчикам. Мы должны суметь изжить растраты.

Если проект новой редакции получит свое законодательное утверждение, то дело судебного преследования растратчиков будет на верном пути. Отметая всю ту мелочь, которую дают незначительные растраты, совершенные трудящимися по нужде или по неопытности, — те дела, которые обременяют наши Суды и по которым в лучшем случае Пролетарский Суд может вынести условное осуждение, — проект, вместе с тем, дает возможность опустить тяжелую руку пролетарского правосудия на голову тех растратчиков, которые злостно подрывают работу по налаживанию нашего государственного аппарата и дальнейшему увеличению нашей хозяйственной мощи. Мы допускаем отдельные изменения в этом проекте, но считаем, что основная линия, взятая Губернским Исполнительным Комитетом, правильна, и нужно добиться скорейшего проведения в жизнь этого закона.

Переходя к вопросу о 176 ст., надо отметить, что хулиганство свило себе в городах прочное гнездо. Больше всего хулиганство процветает на рабочих окраинах, принимая подчас совершенно недопустимые формы. Нам думается, что это явление наблюдается не в одной только Ленинградской губернии, но, во всяком случае, в нашем городе хулиганство приняло такие размеры, что требуется с ним вести самую беспощадную борьбу. Наряду с усилением нашей культурно-просветительной работы, расширением сети клубов, вовлечением в спортивную работу нашей молодежи, — требуется и суровая судебная репрессия.

Рабочие массы, не удовлетворяясь теми мерами, которые были приняты в деле борьбы с хулиганством, создали в нашем городе, на крупных фабриках и заводах, свои тройки по борьбе с хулиганством, помогая милиции вылавливать злых хулиганов, и, вместе с тем, справедливо требуют принятия по отношению к ним самых решительных мер. Между тем, по редакции 176 ст., принятой ВЦИК постановлением от 16 октября 1924 года, хулиганство в первый раз карается в административном порядке принудительными работами до 1 месяца или штрафом до 50 рублей, и только в злых случаях подсудно Суду, и тогда карается лишением свободы на срок до 3-х месяцев.

По проекту Исполкома 176 ст. сформулиро-

вана следующим образом: „хулиганство, т. е. озорные, сопряженные с явным неуважением к обществу, действия, в частности, буйство и бесчинство, карается лишением свободы на срок до трех лет.

Примечание. Если означенные действия совершены были по неосознанности трудящимися и не носили признаков особой злостности или упорства, хулиганство карается—в административном порядке“.

Таким образом, по проекту все дела о хулиганстве подсудны Народному Суду, причем санкция с трех месяцев повышается до трех лет. От Суда уже зависит в тех случаях, когда хулиганство совершено по неосознанности трудящимися и не носило характера упорства или злостности, передать эти дела в административные органы. Этим проектом вся тяжесть в борьбе с хулиганством ложится на Суды, и им представляется широкая возможность применительно к каждому отдельному случаю избрать необходимые меры социальной защиты. При существующем положении,—когда злостным хулиганам в худшем случае угрожают три месяца лишения свободы, причем имеются все шансы быть Распредкомом досрочно освобожденными, ибо в действительности по отбытии шести недель нет никаких оснований ожидать каких-либо существенных изменений в течение еще шести недель,—хулиганы действуют смело и решительно. Рабочий же недоумевает, справедливо негодуя, когда через несколько не-

дель видит опять этого хулигана, оперирующего на рабочей улице на окраине города.

В новой редакции проекта Суд сможет твердо провести ту линию, которую хотела наметить и действующая редакция ст. 176, т. е. ослабить репрессию там, где хулиганство является следствием избытка энергии, и, вместе с тем, повести решительную борьбу с злостным хулиганством, гарантируя рабочим спокойствие и порядок по вечерам во время отдыха в рабочих районах.

Всецело поддерживая точку зрения ленинградских судебных работников, что настала пора пересмотреть все наши действующие законы в плановом порядке—улучшить и упростить их, и затем уже изменять их только в случаях крайней необходимости, мы, тем не менее, считаем, что изменения редакции этих двух статей должны быть проведены в самом срочном порядке. Они выдвинуты жизнью, они выдвинуты рабочими массами. Мы не сможем в нашей борьбе с этими двумя явлениями, при оставлении существующей редакции указанных статей, достигнуть тех результатов, которых от нас справедливо требует ленинградский пролетариат в сотнях постановлений, вынесенных на фабриках и заводах.

Инициатива Ленинградского Губернского Исполнительного Комитета, выжившего волю его избравших, должна быть нашими центрами всемерно поддержана.

Л. И.

Мои наблюдения.

(Из практики Касколлегии).

Хочу поделиться с читателем своими наблюдениями в области применения Гр. Код. и Гр. Проц. Код., в особенности Процессуального, в связи с учетом кассационной практики в области гражданских взаимоотношений.

О том, что эта область труднее и сложнее уголовной, понятно, распространяться не приходится. Это подчеркнул и Верховсуд в пункте 8 наказа Гражд. Кассационной Коллегии („Е. С. Ю.“ № 51—24 г.) при учете работы Верховсуда по отношению работы Губсудов и Облсудов, отметив, что хотя она (ГКК Верховсуда) и усилилась в высшей степени бережно к работе Губсудов, все-же за первые 1½ года приходилось отменять очень высокий процент всех решений Губсудов, а именно почти 50%, в то время, как УКК за то-же время отменено около 16%. Нарсуды более загружены, нежели Губсуд.

По делам, которые проходили через Гражданскую Касколлегию Губсуда в кассационном порядке, необходимо указать, что Касколлегия при отмене решений Нарсудов никогда не руководствовалась чисто формальными нарушениями, а в первую очередь рассматривала, правильно-ли Судом первой инстанции проведен классовый принцип, нет-ли таких нарушений материального или процессуального свойства, от которого могли бы пострадать интересы трудящегося, юридически плохо осведомленного. И вот, установив, что все эти главные поводы к отмене решения отсутствуют, кассационная инстанция выносила то или иное определение.

Остававшаяся на более характерных поводах, по коим отменялись решения Нарсудов, нужно указать в области применения материального права на нарушение Судом примечания 1-го к ст. 59 Гр. Код., т. е. к делам по искам бывших собственников

к фактическим владельцам имущества. Дела этой категории относятся к первой четверти 1924 г. По нарушению Судами ст. 65 Гр. Код. и 76 Зем. Код., т.-е. при разделе крестьянского имущества, Суд иной раз не учитывает возможности зачетов одних предметов другими или денежного возмещения в целях предотвращения несоразмерного ущерба хозяйству. По нарушению ст. 115 Гр. Код., т.-е. возложения солидарной ответственности на нескольких ответчиков, тогда как таковая ничем совершенно по отношению их не установлена. По нарушению ст. 171 Гр. Код. в части пунктов „Д“, „З“ и „И“, а именно: Кассколлегией весьма часто, до образования Камеры по жилищным делам, приходилось корректировать вопрос о выселении, когда таковое Нарсудами применялось в отношении трудящихся за неплатеж вследствие неправильного исчисления домоуправлениями квартплаты и невозможности для плательщика таковую вносить по исчисленному домоуправлением размеру; о выселениях по невозможному сожительству квартирохозяина с жильцами, иной раз, в действительности, старавшегося освободиться от нежелательного жильца и расширить за его счет жилую площадь для своих нужд, и, наконец, вследствие необходимости производства капитального ремонта, что, конечно, в большей части относится к частным арендаторам домов, также старающихся под видом необходимости производства ремонта освободиться от малоодоходных жильцов в лице рабочих и служащих.

Кроме этого приходилось указывать Нарсудам, что определение об условном выселении в виде предостережения, что, при повторении неплатежа или неуплаты присужденной квартплаты в течение 2-3 месяцев, ответчик подлежит выселению, — не является разрешением спора по этому вопросу и может создать новые недоразумения между сторонами, и что Суду надлежит в этом отношении руководствоваться ст. 171 Гр. Код., т. е. постановлять о выселении, если этого требуют обстоятельства дела, или отказывать в таковом.

Кроме того, случалось, что Суд, постановляя о выселении вместе с ответчиком-квартирохозяином и всех живущих лиц в квартире, не соблюдал при этом ст.ст. 166 и 167 ГПК, на что Кассколлегией обращалось особое внимание Нарсудов.

В области наследственного права частенько Нарсуды, в особенности уездные, неправильно применяют Гражданский Кодекс, т. к. надлежит применять декрет об отмене

наследования от 1 мая 1918 г., ибо спор идет об имуществе, оставшемся после лиц, умерших до 1 января 1923 г.

В области семейных отношений необходимо отметить частое нарушение Судами как города, так и уездов ст.ст. 162 и 168 Код. Зак. об актах гражд. состояния, а именно: Нарсуды города, не выясняя семейного и материального положения истицы-матери и ответчика-отца по делам о взыскании на содержание детей, постановляют о взыскании на одного ребенка весьма часто $\frac{1}{3}$ заработка ответчика, или определяют взыскать в сумме от 10 до 25 р. в месяц, а при разрешении дела в кассационной инстанции выясняется, что ответчик получает от 30 до 50 руб. и на своем иждивении имеет уже другую семью при 1—2 детях, а у истицы имеется небольшой заработок; в уездах Суды постановляют о взыскании 10—15 р. в месяц, не учитывая ни семейства, ни хозяйства истицы и ответчика, ни возможности последнего выплатить такую крупную, по крестьянским условиям, сумму денег.

И даже случалось встречать постановления о взыскании алиментов и за прошедшее время, иной раз за время от 1 до 3 лет; это в большинстве случаев относится к уездным Нарсудам.

В области трудовых отношений приходилось разъяснять Трудсессиам, что члены Артелей ответственного труда, состоящие на службе в учреждениях, пользуются защитой Кодекса Законов о Труде, и их дела о зарплате подсудны Трудсессиям и, наоборот, дела членов Артели к своим Правлениям разрешаются на общих основаниях.

Обращаясь к части процессуальной, необходимо отметить, что Нарсуды не всегда широко используют ст. 5 ГПК в целях выяснения действительных прав и взаимоотношений сторон, для установления материальной истины; в особенности это можно отнести к уездным Нарсудам, когда Нарсуд, разбирая спор между двумя одинаковыми в социальном и юридическом отношениях сторонами, не указывает им на возможность представления дополнительных доказательств или письменных, или свидетельских, или истребования от надлежащих органов, чаще всего от Земкомиссий, данных о разрешении спора о праве пользования на землю, когда вопрос идет о взыскании убытков за скоп сена или использование пахотных или луговых участков земли, или истребования и приобщения дел, уже разрешенных тем же Судом или Судом другого участка.

Вторым недостатком, по моему мнению, следует считать нарушения Нарсудами ст.ст. 98, 99, 100 и 121 ГПК, выражающиеся в том, что Нарсуды заслушивают дела в отсутствие той или другой стороны, хотя, правда, в деле имеются сведения, что повестка вручена, но само дело требует личного участия стороны; например, дела об установлении факта отцовства, когда ответчик по невыясненной Судом причине не явился, и Суд, заслушав объяснения истицы и одного-двух выставленных ею свидетелей, постановляет о признании ответчика отцом ребенка, родившегося за 2-3 года до разбора дела, или дела о взыскании квартплаты с лиц неопределенных занятий и выселении за неплатеж по расценке домоуправлений, когда Суд, заслушав объяснения истца, удовлетворяет иск в той и другой части полностью. А при разрешении дела в кассационной инстанции оказывается, что домоуправление повестку вручило слишком поздно, что ответчик не имел возможности собрать соответствующие доказательства в опровержение предъявленного иска и даже сам не мог явиться, а причисление его к торговцам или исчисление квартплаты по категории лиц неопределенных занятий домоуправлением ничем не подтверждается, а основано на предположениях.

Лучше лишний раз дело слушанием отложить, ибо, ведь, у Суда при разрешении дела об отцовстве имеется ст. 101 ГПК, по коей Суд может ответчика подвергнуть приводу, и в иных случаях ст. 99 и 100 ГПК, коими, к сожалению, Нарсуды пользуются весьма редко. А ведь не нужно забывать, что дело по существу разбирается только один раз.

Теперь—в области доказательств. И здесь не всегда Суд входит в проверку представленных сторонами доказательств, и, случается, постановляет решение по голословным за-

явлениям сторон, не приводя никаких оснований, почему он придал значение доказательствам одной стороны, а не другой, и не предложил таковые представить дополнительно; в особенности это относится к делам с денежными расчетами.

Следует указать на нарушения ст.ст. 110 и 112 ГПК. Нарсуды не всегда обсуждают частные ходатайства сторон об отложении дела и вызове свидетелей, либо по иным каким-либо поводам, а иной раз даже случается встречать в кассационной жалобе указания, что кассатор просил Суд отложить дело и вызвать его свидетелей, а Суд его ходатайство не удовлетворил и даже не занес в протокол. Нарсуды подаваемые им замечания на протокол иногда оставляют совершенно без рассмотрения, а ограничиваются приобщением к делу, почему кассационная инстанция ставится в затруднительное положение.

Нарсуды, разбирающие дела вторично, не всегда выполняют указания Кассколлегии, что в большей части относится к Нарсудам уездов.

Вот те главнейшие поводы, по которым Кассколлегии отменяла решения Нарсудов. Но при этом нужно отметить, что все эти недостатки, по сравнению с первым годом работы Кассколлегии Губсуда, постепенно изживаются.

Это дает полное основание полагать, что в дальнейшем отмена решений и по гражданским делам дойдет до минимума.

В заключение нам хотелось-бы остановиться еще на одном вопросе: это то, что прокуратура в области гражданских правоотношений еще слабо пустила свои корни, и участие ее в гражданских делах в Нарсудах выражается в единичных случаях, и то по предложению самих Судов.

Ф. Компалов

Права супругов на имущество.

Основной принцип нашего брачного имущественного права выражен в ст. 105 Кодекса Законов об актах гражд. состояния, в коей указано, что „брак не создает общности имущества супругов“. Исходя из этой точки зрения, что брак является свободным половым союзом совершенно равноправных людей, Советское законодательство, конечно, не могло принять в области имущественных отношений супругов иного начала, кроме полной раздельности их имущества.

Из этого основного принципа вытекает, как его логически неизбежные выводы, те положения, что один супруг не вправе посягать или заявлять претензии на имущество, составляющее определенную собственность другого, что супруги могут вступать друг с другом во все дозволенные законом сделки,—отчуждать друг другу принадлежащее каждому из них имущество и заключать между собою всякие договоры, что соглашения между супругами, направленные к умалению их имуще-

ственных прав, недействительны, и что, наконец, один супруг не отвечает по обязательствам другого.

Но хотя брак сам по себе не создает общности имущества супругов, и каждый из них является отдельным собственником принадлежащих ему вещей, но пользование имуществом по самому существу брачных отношений бывает общим. Поэтому в случаях расторжения брака, установления раздельной жизни супругов, а также обращения кредиторами взыскания на имущество, состоящее в совместном пользовании супругов, перед Судом встает порой нелегкая задача разграничить собственность обоих супругов, выделить то, что принадлежит тому или другому супругу. При этом возникают в судебной практике некоторые спорные вопросы, на которых мы и остановимся в настоящей статье.

Само собою понятно, что в соответствии с вышеуказанным основным принципом приобретенное каждым из супругов до брака имущество остается его отдельной собственностью и после брака. Поэтому, поскольку Судом по данным дела установлено, что спорное имущество приобретено тем или иным супругом до брака, — оно должно почитаться его собственностью и после брака, если только неоспоримым доказательством не будет установлено, что оно отчуждено супругом, приобретшим имущество, другому супругу.

В связи с этим необходимо указать, что Советскому законодательству совершенно неизвестен и чужд институт приданого — особого вида имущества, выделенного лицу женского пола по случаю замужества родителями, родственниками или иными лицами, на какое имеет известные права муж. Этот институт, столь подробно регулируемый буржуазными законодательствами, по своему духу находится в полном противоречии с вышеприведенным основным принципом нашего брачного имущественного права, а равно и с общей точкой зрения Советского права на брак, и поэтому не нашел себе места в Советском законодательстве. Конечно, отсутствие института приданого в Советском праве не может препятствовать родителям или родственникам вступающих в брак делать им по этому поводу подарки, но юридические отношения, возникающие вследствие этого между ними, регулируются законом о дарении (ст. 138 Гр. Код.), подарок становится единоличной собственностью одаренного супруга и в дальнейшем — в случае развода или смерти одаренного — следует общей судьбе его имущества.

В условиях нашего быта сохранились еще, однако, пережитки этого явления, связанного всецело с буржуазным воззрением на брак и на положение женщины в семье, в особенности, в крестьянской среде. В производстве Гражданского Кас-

сационного Отделения Ленинградского Губсуда встречались нередко дела по искам родителей к мужу их умершей дочери, а также по искам мужей к родителям их жен о невыдаче обещанного приданого, и в этих случаях Суды первой инстанции иногда не отдавали себе отчета в том, что такого института приданого наше Советское право не знает, и подобные отношения должны быть рассматриваемы по законам, регулирующим договор дарения, почему кассационной инстанции и приходилось устанавливать по этим делам надлежащую линию.

Значительно более сложным является вопрос о принадлежности имущества, нажитого супругами после заключения брака. В нашем современном быту уже имеется целый ряд семей, где оба супруга добывают себе средства существования фабрично-заводской работой, службой, свободными профессиями и т. п. Здесь каждый из супругов, имея самостоятельный заработок или доход, может самостоятельно приобретать имущество. Но огромное количество семей живет еще в таких условиях, когда муж добывает средства к существованию занятиями вне семьи на стороне, а жена занимается лишь хозяйством, обслуживая мужа и детей. Каким же образом разрешить вопрос о праве супругов на нажитое после заключения брака имущество при наличии этих типов современной семьи, когда он станет пред Судом в результате расторжения брака, разлучения супругов или вследствие взыскания, обращенного кредиторами на имущество, находящееся в их общем пользовании? В случаях, когда лишь один из супругов зарабатывает средства к жизни, а другой занимается домашним хозяйством и когда спор идет о предметах домашнего обихода, вопрос разрешается довольно просто. Как разъяснила еще в 1922 г. практика Высшего Судебного Контроля НКЮ, „совместная продолжительная супружеская жизнь создает неизбежно такое положение, что целый ряд предметов домашнего обихода приобретает в результате совместного труда, причем обычно муж работает на стороне, добывая средства к существованию семьи, а жена несет труд дома, внутри семьи, по обслуживанию мужа, детей и проч., и этот труд должен, несомненно, считаться трудом производительным, создающим право на участие в результатах этого труда, т. е. в общем домашнем благосостоянии (Пратг. ВСК—ЕСЮ № 11-1922 г.)“. Таким образом в этих случаях нажитое после заключения брака имущество считается нажитым трудом обоих супругов и распределяется между ними по трудовому принципу, т. е. в зависимости от того, насколько значителен труд, вкладываемый женой за время супружества в общее хозяйство. Так, если пред Судом имеется семья, в коей хозяйство и воспитание детей ведутся при

помощи наемного труда прислуг и воспитательниц, то естественно, что личное участие жены трудом в семье является незначительным, и соответственно с этим доля ее в домашнем имуществе, нажитом после брака, является также незначительной. Наоборот, если все хозяйство и воспитание детей находятся в руках жены, обходящейся без наемного труда, то и доля ее в имуществе должна быть гораздо больше. В производстве Гражданского Судебного Отделения Ленинградского Губсуда было дело некоей гр. О., которая требовала признания ее права на часть домашней обстановки, описанной по долгам ее мужа. Суд, установив, что гр. О. вела хозяйство при помощи наемного труда, признал справедливым выделить ей сравнительно незначительную часть домашней обстановки, стоимостью менее $\frac{1}{3}$ всего описанного имущества.

Применимо ли вышесказанное начало к тем бракам, где оба супруга добывают себе средства к жизни работой, службой, или иными занятиями, а домашнее хозяйство сведено к минимуму или ведется при помощи наемного труда? Очевидно, что принципиально ответ может быть только отрицательный, и каждый из супругов имеет право лишь на то имущество, которое приобретено им на свой личный заработок или доход. Но нельзя не заметить, что практически такое выделение самостоятельно приобретенного каждым из супругов имущества является весьма затруднительным, и потому, поскольку в отношении данного спорного имущества не удалось бы добыть доказательство приобретения его на заработок того или иного супруга, — таковое имущество было бы правильно считать общей собственностью супругов. В этом не было бы противоречия ст. 105 Код. Законов об актах гражд. состояния, т. к. здесь общая собственность создается не фактом заключения брака, а фактом общего совместного труда супругов.

Кроме того, мы нередко имеем перед собою смешанный тип семьи, где обе стороны добывают средства к существованию работой, службой или занятиями вне семьи, и в то же время на жене лежат обязанности по ведению домашнего хозяйства. При разграничении имущества таких супругов следовало бы выделить предметы, приобретенные на личный заработок жены, а в отношении остального имущества применить принцип, указанный выше в отношении семей, где жены являются лишь домашней хозяйкой, принимая во внимание ее труд по ведению хозяйства.

Само собой разумеется, что все изложенные соображения относительно прав супругов на до-

машнее имущество, нажитое после брака, в равной мере распространяются и на лиц, находящихся в продолжительном незарегистрированном сожительстве, т. к. эти начала вытекают из хозяйственного существа отношений находящихся в сожительстве, но ни в какой мере не из факта регистрации.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что все вышеприведенные положения касаются лишь домашнего имущества, находящегося в общем владении супругов, но не другого имущества, как напр., строений, товаров и т. п. Распространение на эти последние виды имущества принципа общей собственности супругов привело бы к крайне неопределенному положению вопроса о праве собственности на эти виды имущества и крайне затруднило бы гражданский и торговый оборот.

Долженствующий в ближайшее время стать действующим законом Проект Кодекса Законов о браке, семье и опеке в ст. ст. 17 и 18 развивает, в сущности, те же положения, которые установлены действующим в настоящее время Кодексом Законов об актах гр. сост., а также разъяснениями Высш. Суд. Контроля и Верхсуда. Проект провозглашает то же общее положение, что брак не создает общности имущества супругов и что супруги могут вступать между собою во все дозволенные законом договорно-имущественные отношения (ст. ст. 17 и 18). В прим. I к ст. 17 Проект указывает, что имущество, нажитое супругами после брака, считается принадлежащим супругам на началах общей собственности. Однако это положение должно иметь силу лишь до тех пор, пока не доказано противное, то-есть пока не установлено, что имущество приобретено на личные средства одного из супругов, имеющего самостоятельный заработок, и что другой супруг не участвует и не помогает своим трудом по хозяйству в приобретении имущества. Ибо, если считать правило, указанное в прим. I к ст. 17 Проекта, подлежащим безусловно применению, то этим создается совершенно неправильное положение для браков того типа, в котором оба супруга, имея или не ведя общего хозяйства, добывают средства к жизни самостоятельным трудом, т. е. для тех браков, которые являются зародышем нового социалистического быта.

Наконец, во 2-м прим. к той-же ст. 17 Проекта установлено, что указанные выше начала применяются и к лицам, фактически сожительствующим, хотя и не зарегистрированным установленным порядком.

Н. Топоров.

Борьба с безбилетным проездом по железным дорогам.

Борьба с каждым вредным или нежелательным явлением может иметь смысл только при соблюдении двух условий: если она ведется со всей необходимой силой и всеми необходимыми средствами и если она может быть доведена до конца. Это положение в полной мере относится и к борьбе с безбилетным проездом по железным дорогам. Стоит, однако, хотя-бы поверхностно приоткрыть глаза к методам и условиям этой борьбы, чтобы заранее безошибочно сказать, что ничего толкового из нее выйти не может, что цель совершенно не достигается, а издержки на ведение дела значительно превышают все, что может быть выручено из наложенных штрафов.

Прежде всего относительно цели: если предполагается кого-либо напугать или действовать предупреждающим образом, „чтоб другим не повадно было“, то такие предложения заранее обречены на неудачу. Раз для граждан не существует обязательства иметь удостоверяющие личность документы, раз не разрешается подвергать кого-либо задержанию за бесписьменность, если нет подозрения в совершении уголовного преступления, то любой безбилетный пассажир, уже высаженный из вагона, абсолютно ничем не рискует: он может назваться любым вымышленным именем и указать любое вымышленное место жительства. Ни задерживать, ни обыскивать его не разрешается ни органами ТОГПУ, ни органами милиции.

„Напугать“ и „предупредить“ можно было-бы только теми методами, которые существовали в дореволюционное время (административно наложенный арест для бездокументных „зайцев“, или-же отправление их по этапу на родину, как „бродяг“). Этот результат может быть достигнут и в Западной Европе, где во многих странах безбилетный проезд (при условии отказа от уплаты штрафа) приравнивается к уголовно-наказуемому мошенничеству. По совершенно понятным причинам мы не можем воспользоваться ни теми, ни другими средствами „залугивания“ и „предупреждения“, так как, в конце концов, сомнительной привилегией безбилетного проезда пользуются только совершенно неимущие люди из городской и деревенской бедноты.

Если же намечена другая цель—доход казенных жел. дорог, то это уж совсем невыгодная „коммерческая операция“. Об этом

весьма красноречиво говорят лежащие перед нами цифры административного управления НКПС за вторую половину 1924 г.

Всего проехало платных пассажиров по всей сети СССР—80.000.000 человек.

Безбилетных обнаружено 464.700, т. е. около 0,6%, и причиталось с них штрафов—1.103.655 р. 91 к.

Посмотрим, что и при каких условиях удалось реализовать из этих штрафов.

Взыскано в поездах и на станциях, т. е. добровольно уплачено безбилетными 381.872 р.

Акт составлено 274.539 на сумму 721.783 р. 91 к.

Из них взыскано милицией по 29.722 актам штрафов на сумму 95.525 р. 93 к.

Возвращено милицией в виду необнаружения ответчиков 14.097 актов на сумму 362.612 р. 95 к.

Осталось в производстве милиции 103.846 актов на сумму 265.645 р. 03 к.

Если по делам, оставшимся в производстве, будет достигнут тот-же результат, как и по тем, которые, так или иначе, получили свое разрешение, то мы получим при помощи милиции всего только около 9% от всей наложенной суммы штрафов, между тем как добровольно на месте уплачивается около 34%. Отсюда совершенно ясно, что стесненная общими положениями о порядке задержания граждан милиция почти ничего не в состоянии достигнуть. Да, кроме того, и ТОГПУ и милиция далеко не всегда под рукой; в таком случае эти органы получают только составленный начальником станции акт. Не заводите-же в самом деле НКПС специального штата конвоиров для бесплатного провоза „зайцев“ к месту нахождения ТОГПУ или милиции!

Теперь посмотрим, во что это обходится государству. Если каждый розыск обойдется всего лишь в 5 руб., (а он обходится гораздо дороже), то расход по 43819 розыскам (29722+14097) составит кругленькую сумму в 219.095 р., а поступило штрафов принудительным путем 95.525 р. Результат: начальник станции писал акт, работала милиция или ТОГПУ, разыскивали, испортили массу бумаги, загромождали почту и на всем этом из государственного кармана потеряли 123.570 руб. Эта сумма соответственно увеличится, когда будут подведены

итоги 103.846 актам, еще оставшимся в производстве милиции.

Вывод отсюда может быть только один: надо брать штраф с тех, кто добровольно платит на месте. Но если нельзя задерживать и если нельзя привлекать к Суду не желающих платить безбилетников, то, по крайней мере, не следует тратить на них лишних денег и не надо загружать и без того перегруженные работой органы ТОГПУ

и милиции. Надо перенести ответственность на кондукторов, на проводников и др. поездной персонал: надо усилить контроль при впуске в вагоны и во время самого проезда и путем административных взысканий (в крайнем случае, штрафов) заставить их избавиться от „зайцев“. Но в первую очередь нужно избавить милицию от бесплодной и безнадёжной работы.

С. Тарер.

Встречный иск.

По вопросу о встречном иске Гражданский Процессуальный Кодекс содержит лишь отрицательную норму, изложенную в примечании к ст. 81; норма эта гласит: „все недостатки встречного искового заявления должны быть восполнены не позднее назначенного для слушания дела дня; в противном случае предъявленный встречный иск в данном процессе не рассматривается“.

Правило это предусматривает лишь процессуальную технику предъявления встречного иска; его принципы Кодексом не регламентированы, их надо выводить из теории.

Из самого положения встречного иска в гражданском процессе явствует его компенсирующая (зачетная) природа. Этот институт преследует цель облегчения положения ответчика, имеющего самостоятельную претензию к первоначальному истцу, путем взаимного расчета и зачета; предъявленный к ответчику иск, грозящий ему принудительным взысканием, может быть им парализован полностью или частично предъявлением к зачету своей встречной претензии, подлежащей рассмотрению одновременно с первоначальным требованием. Институт встречного иска сочетает в себе достоинства экономические—предотвращение разорительного для тяжущихся принудительного взыскания—и процессуальные—соединение двух дел в одном производстве.

Однако обсуждаемый нами процессуальный институт таит в себе, наряду с перечисленными достоинствами, и значительную опасность: в гражданском процессе излюбленным приемом недобросовестных ответчиков является предъявление встречных претензий, сплошь и рядом совершенно неосновательных. Прием этот влечет за собою, прежде всего, затяжку дела, ослабляет позицию первоначального истца, принуждая его не только доказывать свой иск, но и

защищаться против встречного, и, наконец, дробит внимание Суда между скрещивающимся спором тяжущихся. Все эти недостатки института встречного иска не ускользнули от внимания законодателя, и ГПК ограничивает в вышеприведенном примечании к ст. 81 возможность применения его соблюдением изложенных в законе правил.

Но границы возможным злоупотреблениям встречным иском предугазаны не только законом, но заложены в самой природе этого института: только зачет дает подчеркнутые выше преимущества, а поэтому возможность встречного иска должна быть поставлена в зависимость от возможности зачета. Каковы же характерные признаки зачета? Ответ дает ст. 129 Гр. Код., которая, говоря о прекращении обязательств полностью или частично, в качестве одной из причин подобного прекращения называет „зачет встречного однородного требования, срок коему наступил“.

Теперь мы уже можем формулировать те требования, которым должен удовлетворять встречный иск: основанием его должно быть требование, однородное с первоначальной претензией, притом требование, срок коему наступил. Из этого следует, что требование неоднородное, не могущее выполнить задачу зачета, не может служить основанием встречного иска: ответчик по иску о выселении не может встречно искать по денежной расписке; супруг-ответчик по иску о разделе имущества не может предъявить встречного иска об истребовании ребенка, и т. д.

Второе требование, которому должно удовлетворять предъявленное к зачету встречное требование, это—наступление ему срока; при этом речь идет не только о сроке календарном, но и о сроке логическом. Так, будет неправильно, если ответчик по иску о выселении будет встречным иском требовать от наймодателя возмещения поне-

сенных им (ответчиком) затрат на ремонт: право на такое требование возникает для ответчика лишь после расторжения существующего между ним и истцом договора имущественного, т. е. после постановления об этом судебного решения; право на возмещение затрат на ремонт должно быть положено в основу самостоятельного иска, заявленные же в деле по первоначальному иску претензии ответчика должны быть признаны преждевременными и оставлены без рассмотрения.

Таким образом, мы выводим следующие требования для встречного иска:

1) основанием его должно быть требование, однородное тому, которое положено в основание первоначального иска, т. е. встречные требования должны предоставлять возможность зачета;

2) встречный иск должен удовлетворять всем тем требованиям, которые предъявляются к первоначальному иску: в его основе должно лежать право, пользующееся судебной защитой (так, в основу встречного иска не может быть положено требование, по которому истекла давность).

Для того, чтобы покончить с вопросом о встречном иске, коснемся еще примечания к статье 81 ГПК: оно говорит, что все недостатки встречного искового заявления должны быть восполнены не позднее назначенного для слушания дела дня; практика склонна толковать это таким образом, что речь здесь идет о первом заседании по делу. Мы полагаем, что подобная практика неправильна; во-первых, она не вытекает из буквального текста закона, а во-вторых, не оправдывается законодательными мотивами: мысль законодателя сводилась к тому, чтобы заявление встречного иска в судебном заседании не могло послужить поводом к срыву и отложению дела; поэтому встречный иск должен быть оформлен к моменту назначенного по делу заседания; но если дело отложено по другому поводу, то нет никаких препятствий к тому, чтобы в промежуток между отложенным и новым заседанием по делу был заявлен встречный иск; это не может повлечь за собою никаких затяжек для дела и, в тоже время, не противоречит букве закона.

Б. Я. Рабинович.

Профсоюзы и юридическая помощь членам союзов.

Постановка юридической помощи профессиональными союзами для своих членов имеет за собою немало более двухлетней истории.

Естественно, что в периоде „военного коммунизма“ профессиональные союзы на оказание юридической помощи своим членам не уделяли достаточного внимания. Собственно и нужда в получении квалифицированной помощи по юридическим вопросам у профессиональных союзов и у всей организованной массы рабочих возникла лишь в связи с развитием новой экономической политики.

Новые взаимоотношения между рабочей силой и нанимателями, установление твердых законодательных норм по вопросам труда и быта вообще потребовали от профессиональных союзов организации новой отрасли работы—организации юридической помощи членам союзов.

К организации юридической помощи своим членам профессиональные союзы приступают лишь после 5-го Всероссийского Съезда Профессиональных Союзов. Но эта новая отрасль профсоюзной деятельности вначале получила довольно широкое распространение только в промышленных районах. Видно было, что профессиональные союзы только нащупывают пути и устанавливают методы своей работы в этой области.

Утвержденное ВЦСПС в начале 1923 г. положение о юридических бюро при профессиональных союзах дало толчок профсоюзам к планомерной работе по организации постоянной юридической помощи своим членам. В течение 1923 г. сеть юридических бюро раскинулась чрезвычайно широко. В большинстве профорганизаций, особенно, более организованных и финансово-крепких, были созданы юридические бюро, которые с самого начала развернули довольно широкую деятельность. Нужда в то время в получении квалифицированной юридической помощи у членов союзов была огромная, ибо принципы Советского законодательства не только гражданского и уголовного судопроизводства, но и трудового—не были знакомы широким массам членов профсоюзов. И организацией юридической помощи своим членам профессиональные союзы выполняли общесоюзную задачу, ибо это давало им возможность теснее связать союзный орган с массой членов союза.

В настоящее время юридические бюро при профсоюзах организованы уже повсеместно. Не говоря уже о промышленных районах, где юридические бюро имеют за собою уже более, чем двухлетнюю историю, в настоящее время юридические бюро уже организованы повсюду, где имеются крепкие профессиональные организации.

По своей силе и организованности юридические бюро не повсюду одинаковы. Наряду с тем, как встречаем сильные по качеству юридические бюро, с крепким квалифицированным аппаратом, довольно солидной финансовой базой, встречаются и такие, которые еле-еле имеют возможность выполнить хотя-бы в основных чертах поставленные перед ними задачи. Объясняется это целым рядом причин, из которых основной является удельный вес самой профессиональной организации и отношение ее к этой отрасли своей деятельности.

В основном задачи юридических бюро заключаются в том, чтобы оказывать юридическую помощь всем членам профессиональных союзов по всем вопросам рабочего быта. Юридические бюро с самого начала не ограничивали свою компетенцию оказыванием только юридической помощи рабочим по правовым вопросам, вытекающим из трудовых отношений. Исходя из общесоюзных задач—необходимости полного обслуживания нужд членов профсоюзов, юридические бюро оказывали юридическую помощь и по вопросам гражданского и даже уголовного права. В данном случае принималось, конечно, во внимание, чтобы вопрос, подлежащий юридическому выяснению, не противоречил общим задачам профессиональных союзов.

Практика деятельности юридических бюро уже выявила основные пределы их ведения. К области вопросов, больше всего разрешаемых в практической работе юридических бюро, следует отнести вопросы охраны труда, социального страхования, жилищные, вопросы, вытекающие из семейных отношений, имущественные, по различным взысканиям, по налоговым вопросам и т. д. На оказание юридической помощи по всем этим вопросам, хотя и не имеющим прямого отношения к положению члена профессионального союза, как продавца рабочей силы, профессиональные союзы все же пошли, ибо поскольку такая нужда у членов профессиональных союзов имелась, профсоюзы обязаны были, исходя из общепрофессиональных задач, эту нужду удовлетворить. И практика показала, что такая политика профессиональных союзов вполне себя оправдала.

Кроме оказывания непосредственной помощи, юридические бюро поставили задачу ликвидировать правовую неграмотность членов профсоюзов вообще. Они проводят большую работу по ознакомлению членов профессиональных союзов с основами Советского законодательства. С этой целью юридические бюро организуют лекции, доклады по основным вопросам Советского законодательства, для этой же цели ими используются также общие собрания членов союзов.

Методы работы юридических бюро установлены такие, чтобы их работа проводилась в том-же духе, как и вся общесоюзная дея-

тельность. Юридические бюро с самого начала смотрели на свою работу, как на часть общесоюзной работы, и соответственно этому выработывали методы своей деятельности. Правильной постановкой юридической помощи членам союзов союзные юридбюро избавляют многих членов союзов от беспечной траты времени по различным судебным инстанциям и тем самым избавляют предприятия от вынужденных для рабочих прогулов. Как общее правило, юридические бюро работают в нерабочие в отношении работы на предприятии часы и тем самым сберегают много рабочего времени.

Организованы юридические бюро, как общее правило, при межсоюзных организациях—при губпрофсоветах и иногда и при упробюро. Такая форма организации вызывается необходимостью экономии юридических сил и союзных средств. Встречаются также юридические бюро и при губотделах, но исключительно в тех случаях, когда губотделы объединяют большое количество членов и когда они финансово очень крепки. Опыт показал, что юридические бюро при межсоюзных организациях имеют возможность полностью обслуживать нужды всех членов профсоюзов, и надобности в организации юридической помощи при каждом союзном органе не имеется.

При обследовании аппаратов юридических бюро выяснилось, что из общего количества работников лиц с высшим специальным образованием имеется около 80% и около 20% с практическим стажем. Эти данные заставляют профессиональные организации призадуматься над состоянием юридической помощи. Без сомнения, большой процент специалистов в аппаратах юридических бюро является положительным явлением, но перед союзами возникает опасность, чтобы эта квалифицированная сила, не будучи связана органически с профсоюзами, не оторвалась от профсоюзов. Возможность отрыва усиливается еще и тем обстоятельством, что профессиональные союзы в своей практической работе уделяют юридическим бюро весьма ограниченное внимание. Эту опасность отрыва юридических бюро от профсоюзов следует предусмотреть и принять меры к устранению этого. С этой целью следует привлечь к работе в юридические бюро опытных профработников. Весьма полезно также вовлечь в юридические бюро и работников низовых союзных ячеек. Опыт с выдвижением низовых союзных работников, проведенный ленинградскими металлистами, показывает, что с течением времени союзный работник имеет возможность выполнить задачи, поставленные перед юридбюро. Необходимо также профессиональную работу и усилить, вместе с тем, общее руководство деятельностью юридических бюро.

А. Искин.

О раз'яснениях.

В Торгово-Промышленном Курьере от 22-го марта 1925 г. № 66 мы читаем, что раз'яснение Отдела Законодательных Предположений и Кодификации НКЮ (раз'яснение № 1141 за 1924 г.), напечатанное в Ежедельнике Советской Юстиции № 7 от 21-го февраля, было дано до опубликования Постановления СНК СССР от 25-го ноября 1924 г. „о приравнении регистрации на Бирже заключаемых государственными органами договоров поставки к нотариальному засвидетельствованию“, и что с опубликованием этого постановления указанное раз'яснение НКЮ утратило свое значение. Совет Съездов представителей биржевой торговли обратил внимание НКЮ на то, что появление в настоящее время указанного раз'яснения в печати может ввести в заблуждение госпредприятия о праве их регистрировать сделки поставки на Бирже.

Заметка эта несомненно обращает внимание на весьма важный вопрос, тем более, что при печатании раз'яснения НКЮ № 1141 за 1924 г. (Еж. Сов. Юст. № 7) не указано, когда оно было дано.

В Ежедельнике Советской Юстиции № 9 от 7-го марта 1925 г. напечатаны два раз'яснения Отдела Законодательных Предположений и Кодификации, из которых, в особенности, последнее может также создать ряд недоразумений.

В этом № опубликовано раз'яснение Отдела Законодательных Предположений и Кодификации по вопросу о том, „распространяется ли декрет СНК от 19-го февраля 1924 г. о принудительном размещении 6% Займа среди частных подрядчиков и поставщиков на кооператоров подрядчиков и поставщиков“. В раз'яснении дан правильный ответ на поставленный вопрос, но опубликование этого раз'яснения в настоящее время вызывает сомнение в целесообразности его печатания. Раз'яснение это было дано 9-го октября 1924 г., когда вопрос этот имел действительно актуальное значение, и своевременное его опубликование могло бы принести пользу в деле правильного размещения займа в принудительном порядке.

В настоящее же время, когда в „Известиях Центр. Исполн. Комитета“ от 24-го февраля 1925 г. № 45 опубликовано постановление СНК СССР „о прекращении размещения облигаций 2-го Государственного Выигрышного Займа 1924 г. в обязательном порядке“, в силу которого с 1-го марта 1925 г. прекращено принудительное размещение облигаций займа, это раз'яснение не имеет никакого практического интереса.

Однако, если по поводу этого раз'яснения возникает лишь вопрос о целесообразности печатания

7-го марта 1925 г. раз'яснения, данного 9-го октября 1924 г., то второе напечатанное в том же № Еж. С. Ю. раз'яснение может действительно вызвать ряд недоразумений.

Поставив на свое разрешение вопрос: „Допустимы ли Третейские Суды между госпредприятиями и кооперативными и частными учреждениями и лицами, а также между одним госорганом и другим?“ — Наркомюст приходит к выводу, что указанный вопрос разрешается утвердительно, т. е. признает допустимость „Третейских Судов как между госорганом, не являющимся трестом, и частным лицом (или кооперативной организацией), так и между двумя госорганами, не принадлежащими к числу трестов“.

Между тем, в Положении о Третейских Судах, принятом 2-ой Сессией ВЦИК XI-го созыва и опубликованном в СУ № 78 от 26-го ноября 1924 г., имеется определенное указание, что на разрешение третейского суда может быть передан по соглашению сторон „всякий спор о праве гражданском между частными лицами (в том числе и коллективами)“, а примечание I-е к ст. I указывает, что на разрешение третейского суда не могут быть передаваемы споры, отнесенные к ведению специальных судов и учреждений пунктами „в“, „г“ и „д“ ст. 2 Положения о Судостроительстве. Пункт же „д“ ст. 2 Положения о Судостроительстве говорит об имущественных спорах между госорганами, рассмотрение каковых споров отнесено к ведению Арбитражных Комиссий при СТО и ЭКОСО.

Таким образом, если еще может вызвать какие либо сомнения вопрос о возможности передачи на рассмотрение третейского суда спора между госорганом и частным лицом (хотя с нашей точки зрения этот вопрос разрешается безусловно отрицательно), то не может быть абсолютно никаких сомнений по вопросу о том, что споры госорганов и госпредприятий между собой не могут подлежать ведению третейского суда.

На возникающий вопрос о том, каким же образом цитированное раз'яснение Наркомюста находится в прямом противоречии с действующим законом, ответ дает дата этого раз'яснения, — оно было дано Отделом Законодательных Предположений и Кодификации 3-го октября 1924 г., т. е. до опубликования нового Положения о Третейских Судах. При недостаточно внимательном отношении к дате этого раз'яснения и, к сожалению, частой привычке руководствоваться раз'яснениями, не проверяя одновременно правильности их на основании действующего законодательства, это раз'яснение может привести к тому, что споры между госорганами и госпредприятиями будут переда-

ваться на рассмотрение третейских судов в полном противоречии с Положением о Третейском Суде, опубликованном в № 78 СУ за 1924 г. *)

Мы считаем, что следует всячески приветствовать печатание в „Еженедельнике Советской Юстиции“, разъяснений Отдела Законодательных Предположений и Кодификации, как одного из наиболее авторитетных органов по истолкованию действующего законодательства (п. „в“ ст. 7 Положения о НКЮ РСФСР Собр. Уз. № 10 от 20 марта 1923 г.).

Однако эти разъяснения могут принести пользу

только в том случае, если они будут опубликовываться своевременно. Печатание же 7-го марта 1925 г. разъяснения, данного 3-го октября 1924 г., после того, как поставленный вопрос нашел совершенно иное решение во вновь изданных законодательных актах, без отметки о том, что печатаемое разъяснение утратило в настоящее время свое значение, будет вызывать недоразумения при его практическом применении.

Л. И. Асин.

Право и деревня.

Земкомиссиям, разбирающим земельные споры, очень часто приходится сталкиваться с явлениями, которые не возникали бы, если бы местные органы ближе, теснее подходили к существу Земельного Кодекса, и, в особенности, эти явления не имели бы места при юридической осведомленности как населения, так Волисполкомов и Сельсоветов.

Одним из серьезнейших вопросов крестьянского быта является вопрос о правах схода земельного общества, решающего между другими вопросами такой важный вопрос, как вопрос о переходе в широкополосье и многополье, т. е. другими словами — об уравнительном переделе земли.

Статья 50 Земкода определенно и ясно говорит, что: «делами земельного общества... ведает сход...». Далее ст. 51: «сход...: а) устанавливает и изменяет порядок пользования различными угодьями в обществе», д) «производит земельные переделы и разверстки», пункт г) постановляет о... «переходе на широкие полосы...». В примечании к ст. 55 говорится, что Волисполкомы наблюдают за правильным применением закона земельными обществами.

Казалось бы, здесь, в этих статьях, трудно что-нибудь толковать вкривь и вкось.

Таково и было бы, если бы, — я повторяю, — Волисполкомы почаще и повнимательнее смотрели не только такие-то и такие-то статьи Земкода, но и взяли бы на себя труд, принадлежащий им по закону, подойти вплотную к общему принципу Советского права, т. е. к его определенно классовому подходу ко всем явлениям жизни.

Чтобы не быть голословным, приведу слова из одной бумаги, посланной Земельной Комиссией в один из Укомов: «в практических работах Земкомиссий при рассмотрении споров о землепользовании наблюдается, в особенности в Волостных Земкомиссиях, отсутствие классового подхода, незнание основ земельной политики и земельного законодательства и судебно-процессуальных норм».

Всякие добавления и разъяснения тут излишни — эти слова достаточно ярки и убедительны. Остается только наглядно дополнить их практикой, т. е. случаями из жизни применения юридической мысли в деревне.

Одно земельное общество решило перейти к другой системе землепользования и произвести, в связи с этим, уравнительный передел земли.

Последнее обстоятельство не понравилось кулацким элементам, которые боялись этого уравнивания. Не имея силы, как количественное меньшинство, перетянуть дело на свою сторону на сходе, они решили воспользоваться юридической слепотой своих односельчан, а заодно с тем слепотой местных органов, как напр., в данном случае, Сельсовета. Кулаки составляют приговор, приятный для них, носят его по дворам на подпись. Собрав нужное число подписей, приговор представляют в Сельсовет, который, з а б ы в, во 1-х, что это противоречит Земельному Кодексу, по которому, как сказано выше, земельные дела решаются только на сходе, во 2-х, что с юридической стороны такой приговор никакой силы не имеет — принимает этот приговор, как законный, и кладет его в основу своих решений.

Другой пример. Кулаки остались недовольны постановлением схода — им его нужно сорвать. Они поступают так: берут поселенный список, заверяют его в Сельсовете и начинают опровергать приговор схода, с формальной стороны,

*) Разъяснение это уже перепечатано в Вестн. Лен. Сов. № 24, 25-го марта 1925 г. и, конечно, без всяких оговорок,

как неправильный по числу правомочных голосов.

В результате—начинается волокита, разговор схода блуждает по земкомиссиям, вызывая вполне естественное раздражение крестьян.

Всего сказанного достаточно, чтобы понять, с какими затруднениями самые простые юридические понятия проникают в жизнь. Нужно, чтобы на местах были юридические консультации (хотя бы у народных судей), как они есть в городе.

Можно смело сказать, что добрый процент всевозможных земельных споров происходит от

юридической неосведомленности населения, с одной стороны, и, что грех таить, от той-же неосведомленности многих и многих «органов», работающих на местах.

Необходимо,—за это говорит практика земкомиссий,—самое подробное освещение среди крестьян всех законоположений о земле, дабы этим, с одной стороны, избежать волокиты, а с другой стороны, разом пресечь малейшие попытки несознательных элементов к обходу и искажению Советского законодательства.

Квинтов.

О крестьянском дворе и о праве его на землю.

Трудовое объединение лиц в одну семью, хотя бы и не состоящих в родстве между собою, но ведущих совместно *постоянное* сельское хозяйство, признается *за двор*.

Под словом *трудовое* разумеется также *объединение*, при котором каждый трудоспособный участник этого объединения (двора) участвует в хозяйстве личным трудом или средствами, прибегая к наемному труду лишь в крайних случаях.

Принцип *трудового пользования* означает, что каждое хозяйство имеет право сохранить из своего фактического землепользования или получить вновь лишь такое количество земли, сколько данное хозяйство может осилить своим трудом, трудом своих членов, без применения наемного труда, причем размер нормы освоения устанавливается земельными органами применительно к местным условиям. Под словом же *постоянное* разумеется длительное и беспрерывное ведение хозяйства оседлыми жителями деревни (крестьянами), а не случайными (дачниками и др.), имеющими, скажем, огород и козу или корову. Двор может состоять и из одного бессемейного лица—мужчины или женщины безразлично. Каждое отдельное лицо, входящее в состав двора, независимо от того, мужчина ли оно или женщина, грудной ребенок или преклонных лет старик, присутствует ли оно постоянно в хозяйстве или временно отсутствует на трудовых заработках, но из состава двора законным порядком не вышедшее,—называется членом двора. Состав двора может увеличиваться в случаях рождения, брака и примачества и уменьшаться при выходе из двора отдельных членов, или за смертью их. Всякое изменение в составе двора регистрируется в Сельсовете в подворных списках, где поименно перечисляются все члены двора. В случае, если Сельсовет почему-

либо отказал в регистрации, то на такой отказ в 14-ти-дневный срок подается жалоба в Волостную Земельную Комиссию. На вступление во двор новых членов путем примачества требуется, помимо согласия самих вступающих, также и согласие всех членов двора, согласия же Земельного Об-ва, а равно и Сельсовета не требуется, если примак является членом данного же Земельного Общества. Но если примак, вступающий в данный двор, происходит из другой деревни, то на его вхождение во двор требуется согласие Земельного Общества на зачисление его членом этого Общества и на участие в получении земли от Об-ва в случае передела. Жалоба на отказ Об-ва в зачислении примака в свои члены также может быть принесена в Волостную Земельную Комиссию. Примаком может быть не только одно лицо, но даже и целая семья, так например: в крестьянском быту бывают случаи, когда лицо преклонного возраста (старик или старуха) для поддержания хозяйства, его трудового строя, не имея личных средств и сил, принимает в качестве примака семейного человека. В таком случае не только отец этого семейства, но жена и дети будут считаться примаками и тем самым членами двора. Все без исключения члены, в том числе и примаки, являются равноправными участниками в общем имуществе, земле и сельско-хозяйственном инвентаре, причем примаки теряют право на землю и имущество в другом дворе, откуда они были приняты. Общим имуществом называется такое имущество, которое приобретено общим трудом (урожай) или общими средствами, например: покупка лошади, плуга на общие деньги. Однако у отдельных членов двора может быть и личное имущество. Скажем, двор продал излишек сена или овса со своего двора и деньги поделил между всеми членами, а один из членов двора

возьми, да и купи себе на свои деньги сапоги, да пиджак. Ясно, что и сапоги и пиджак принадлежат ему лично, а не всему двору. Имущество двора за смертью кого-либо из членов его целиком остается в пользовании живых участников хозяйства. Руководителем хозяйства двора и его представителем является *домохозяин* (мужчина или женщина), выбранный самими членами двора, а если домохозяин окажется нехозяйственным и поведет, может быть, и сам того не желая, хозяйство к разорению, то он может и должен быть заменен другим лицом, но только из того же двора. Заявление об этом с заключением Сельсовета подается в Волисполком. Полноправными членами двора являются все его участники—и мужчины, и женщины—достигшие 18 лет; при наличии же во дворе несовершеннолетних, их интересы защищает домохозяин. Если во дворе остаются одни несовершеннолетние члены, то к ним назначается опеку на основании закона об опеке, причем земельные участки детей-сирот могут сдаваться их опекунами в трудовую аренду с тем, чтобы вознаграждение, получаемое по договору аренды, обращалось не в пользу опекуна, а на содержание и воспитание детей.

Двор имеет право на бессрочное пользование землей и этого права лишается в случаях: добровольного отказа от земли всех его членов, с подачей заявления о том Земельному Об-ву или Земотделу; прекращения дворов ведения самостоятельного хозяйства полностью; выморочности двора; окончательного переселения его в другое место с прекращением в прежнем месте самостоятельного хозяйства; лишения прав на пользование землей по Суду за указанные в законе преступления, если они совершались при содействии всех членов двора или одним из членов, но пользу от незаконного деяния извлек весь двор в целом (покупка, продажа, завещание, дарение и залог земли); в случаях отхода всего двора и невозвращения в течение 2-х севооборотов. Отдельные же члены двора, бывшие в отлучке более 2-х севооборотов, по возвращении в хозяйство, наделяются землей из наличного запаса, считаясь с размерами его; если же этих запасов нет, то наделение производится при общей разверстке земли наравне со всеми членами двора. Лишение земли за неуплату налога не допускается ни в административном, ни в судебном порядке, а с другой стороны, наличие на руках квитанции об уплате налога не служит доказательством трудового использования земли.

Кроме перечисленных выше случаев, право на землю прекращается в результате безвестного отсутствия лица, если это отсутствие объявлено по закону (ст. 12 ГК и приложение первое). Подача такого заявления в Суд производится заинтере-

сованным землепользователем, Земельным Об-вом, а при непоступлении таких заявлений—местными земорганами. Причем, если отсутствующий состоит членом Земельного Об-ва с общинным порядком землепользования, то его доля земли поступает при ближайшем переделе в распоряжение Об-ва, при участковом же пользовании, не смотря на прекращение права отсутствующего, землепользование двора, к которому отсутствующий принадлежал, не изменяется. Это правило одинаково и для тех из членов двора, которые отказались добровольно от земли. Если двор в целом отказывается от земли, то она поступает в распоряжение того Земельного Общества, к которому двор принадлежал; если же двор не входил в состав какого-либо Общества, то при отказе земля его поступает в распоряжение местных земельных органов. Наконец, по закону допускается лишение земли в случаях изъятия ее при землеустройстве, для мелиорации, дорожного строительства и других государственных или общественных надобностей в установленном порядке, и если дальнейшее использование оставшейся у двора земли является хозяйственно-затруднительным или недостаточным, то взамен ее отводится земля в другом месте с возмещением убытков двору. Все сооружения, постройки, посевы и растения, вообще все соединенное с участком земли, находящимся в пользовании двора, принадлежат ему. Продажа построек не на снос, или древесных насаждений сада, без пересадки их на другое место, возможна лишь в том случае, если покупателю предоставляется в установленном порядке и сама земля земельными Об-ми или земорганами; во всех остальных случаях сделка является незаконной. Всякая скрытая или явная покупка, продажа или zapродажа, завещание или дарение, а также залог земли запрещается, и совершенные сделки считаются недействительными, а лица, виновные в их совершении, подлежат наказанию по 136 ст. Уголовного Кодекса и лишаются земли, находящейся в их пользовании.

Если кто-либо из членов двора провинится и будет подвергнут штрафу или конфискации имущества в судебном или административном порядке, то этот штраф или конфискация обращается на имущество двора лишь в той доле, которая принадлежит провинившемуся члену, но если от незаконного поступка одного члена двора извлек для себя выгоду весь двор, то взыскание обращается на все имущество двора целиком. Обращение взыскания Судом на долю имущества провинившегося члена не разрывает связи его со всем двором, но может служить поводом для требования раздела двора другими членами его, причем при разделе имущества обязательно должен быть принят во внимание факт взыскания штрафа с провинившегося члена.

Н. Шмускович.

Влечет-ли за собой рекомендация ответственность?

(По ст. 403 Гражд. Кодекса *).

20 декабря 1924 года в Народном Суде 5-го участка города Тулы слушалось дело, представляющее большой принципиальный интерес.

Сущность дела такова: Русское Театральное Общество передало для распространения свои издания некоему гр. Бодяновскому на комиссионных началах. Гр. Бодяновский издания продал, но денег за проданные издания Русскому Театральному Обществу не уплатил. В виду этого Русское Театральное Общество предъявило иск к Бодяновскому о взыскании с него стоимости этих изданий.

Если-бы истец в своих исковых требованиях ограничился только вышеизложенным, мы имели-бы перед собой весьма заурядное дело. Но в этом деле оказались некоторые осложняющие его простоту и ясность обстоятельства.

Русское Театральное Общество, действуя с вполне понятной осмотрительностью, потребовало от Бодяновского своевременно рекомендаций. В числе представленных им рекомендаций оказалась одна, выданная Комитетом Центрального Рынка гор. Тулы, причем в рекомендации этой Комитет, характеризуя Бодяновского, как исполнительного, деятельного и честного работника, прямо указал, что он считает его годным для распространения изданий Русского Театрального Общества.

Основываясь на данной Комитетом Рынка рекомендации, Русское Театральное Общество в своем исковом заявлении привлекло в качестве соотвечника также и Комитет, причем указало, что, дав Бодяновскому рекомендацию, не оправдавшуюся впоследствии на деле, Комитет ввел общественную организацию в заблуждение и своими действиями причинил ей имущественный вред, почему и должен, в порядке ст. 403 и последующих Гражд. Код., возместить этот вред истцу полностью.

Народный Суд, рассмотрев дело, признал, что рекомендация не может влечь за собой материальной ответственности, а потому, удовлетворив иск по отношению к ответчику Бодяновскому, в исковых требованиях Русского Театрального Общества к Комитету рынка отказал.

Вопросы, поднятые в этом деле, настолько существенны, что заслуживают особого рассмотрения.

Обязательства, возникающие из причиненного вреда, относятся к наименее разработанной в

нашей специальной литературе области обязательственного права.

За исключением двух-трех статей, помещенных в «Еженедельнике Советской Юстиции» за 1923 год**), мы имеем по этому вопросу лишь комментарий к ст.ст. 403-415 Гражданского Кодекса С. Раевич***), а также и соответствующий-же комментарий в изданном, под редакцией А. Малицкого, Украинским Наркомостом Гражданском Кодексе. Теоретическое освещение вопроса дает Гойхбарг в т. I, части 3-й, главе II «Хозяйственного Права».

Согласно установившейся точке зрения и в полном соответствии с буквой и духом нашего Гражданского Кодекса надлежит признать, что в основу ответственности за причиненный вред наше право кладет только начало причинения. Ответственность за причиненный ущерб возникает вне всякой зависимости от наличия в действиях причинившего вред элемента вины.

Всякий потерпевший от вреда получает право требования к причинившему вред. Закон не дает нам указаний по вопросу о характере и объеме вреда, подлежащего возмещению. Поэтому мы вправе утверждать, что возмещению подлежит вообще всякий вред, причиненный личности или имуществу другого.

Обязанным к возмещению вреда является причинивший вред, причем отвечать должен не только тот, кто непосредственно причинил вред, но и все те «лица, последствием действий которых явился вред»****).

Во всяком случае всегда подлежит установлению причинная связь между причиненным вредом и действиями лиц, привлекаемых к возмещению причиненного вреда.

Таким образом, наличие имущественного ущерба, как следствие причиненного вреда, с одной стороны, и причинение этого вреда прямо или косвенно определенными лицами, с другой,— вот те обязательные моменты, кои подлежат установлению в каждом гражданском споре о возмещении причиненного вреда. Можно-ли признать, что рекомендация, не оправданная на деле, может повлечь за собой для рекомендующего ответственность по ст. 403 Гражд. Код.?

**) «Еженедельник Сов. Юстиции», 1923 г. №№ 4-5 и № 16.

***) Гражданский Кодекс РСФСР, комментарий под редакц. Гойхбарга, вып. III, стр. 86-102

****) Там-же, стр. 94.

*) В порядке обсуждения.

Мы нигде не встретим в нашем праве каких-либо указаний на специальную ответственность, связанную с выдачей отзыва, справки или рекомендации.

Исключением, правда, является примечание к ст. 236 Гражд. Код., определенно устанавливающее, что рекомендация или справка о платежеспособности не признается поручительством и, следовательно, не влечет за собой последствий, предусмотренных договором поручительства.

Однако одно это не дает нам еще оснований говорить, что вред, возникший в связи с данной кем-либо рекомендацией не подлежит возмещению.

Ст. 403 Гражд. Код. и последующие статьи имеют в виду именно внедоговорный вред, а потому отсутствие какой-бы то ни было регламентации последствий, связанных с дачей рекомендации, в нашем праве не разрешает вопроса об ответственности за рекомендацию.

Если относить рекомендацию, как это делает один из комментаторов Гражданского Кодекса, Вавин*), к категории действий исключительно физического порядка, то это значит только, что установленного законом обязательства, связанного с рекомендацией, мы не знаем, но, что, как и всякое действие физического порядка, рекомендация может служить причиной возникновения ответственности за причиненный вред.

Безусловно только, что в вопросе о возмещении вреда, причиненного рекомендацией, надлежит особо тщательно взвешивать степень влияния данной кем-либо рекомендации на причиненный вред.

Рекомендация, отзыв, референция—все это понятия слишком общие, и без установления некоторых хотя-бы оттенков в содержании этих понятий дать какой-либо ответ на интересующий нас вопрос совершенно невозможно.

Содержанием рекомендации может быть установление моментов чисто политического характера. Так, в практике государственных учреждений и предприятий установился порядок, обязывающий ответственных работников представлять рекомендации от двух или трех партийных товарищей. Рекомендации эти устанавливают обычно лояльность каждого данного лица по отношению к Советскому строю и имеют задачей своей определить возможность работы данного лица по своим моральным качествам и политической физиономии в Советском учреждении или предприятии. Естественно, что ответственность за всякого рода последствия, связанные с несоответствием рекомендации действительности, выхо-

дит за пределы Гражданского Кодекса и для рекомендателей выражается обычно в форме какого-либо политического или партийного на них воздействия.

Далее могут иметь место рекомендации, устанавливающие какие-либо фактические моменты из прошлой деятельности рекомендуемого, как-то сведения об отличной службе его или об исправно выполнявшихся им ранее обязательствах по договорам.

В этих случаях, если даже от деятельности рекомендуемого и произойдет какой-либо вред для учреждения, его принявшего или вступившего с ним в договорные отношения, говорить об обязанности рекомендателя возместить учреждению происшедший вред нет оснований. Ответственность рекомендателя может иметь место лишь в том случае, если он сообщил заведомо для него неверные сведения фактического характера или-же умолчал о порочащих рекомендуемого фактах, рекомендателю известных. При наличии указанных обстоятельств обязанность рекомендателя возместить вред доверившемуся правильности сообщенных им сведений учреждению стоит, на наш взгляд, вне всяких сомнений. Одной из причин происшедшего для учреждения, от действий рекомендуемого, вреда является именно то отношение доверия к рекомендуемому, которое создается в учреждении на основании неправильных сведений, сообщенных рекомендателем.

Наконец, рекомендация может, не содержа в себе определенных фактов или сведений, устанавливать, и притом без каких-либо оговорок, добросовестность, честность или коммерческую пригодность к данному именно делу лица рекомендуемого.

В этих случаях рекомендация направлена на установление пригодности лица к будущей работе, а равно и на создание к нему определенного доверия в области имущественных с ним взаимоотношений.

Доверие к лицу рекомендованному основывается здесь не на каких-либо данных, относящихся к его работе в прошлом, но исключительно на доверии к рекомендателю. Освобождать в этих случаях рекомендателя от ответственности за вред, причиненный действиями лица рекомендованного, нет никаких оснований.

Если учреждение или лицо действительно доверилось вполне рекомендации, и рекомендация эта явилась, если не единственным, то основным поводом к заключению договора с лицом рекомендуемым или к даче ему того или иного ответственного поручения, причем учреждение в результате потерпело ущерб,—то причинная связь между причиненным учреждению вредом и действиями рекомендателя несомненно налицо.

*) Вавин. Способы обеспечения обязательств по Гр. Код. М. Изд. „Юридической Библиотеки ВСЕРКОМПОМ“а“, стр. 14.

Здесь не может играть никакой роли то обстоятельство, что рекомендатель был вполне добросовестно убежден в правильности сообщаемой им характеристики рекомендуемого, ибо наш Гражданский Кодекс в основание ответственности за причиненный вред кладет не начало вины, а начало причинения.

Не может быть признана также правильной и та точка зрения, согласно коей ответственность для рекомендателя может наступить только тогда, когда он в рекомендации своей ясно выразил намерение обязаться в правильности сообщаемых им сведений (Вавин, там-же, стр. 14).

Имел-ли намерение рекомендатель обязаться или нет, здесь это не имеет значения, ибо мы говорим о возмещении внедоговорного вреда. Обязанность-же возмещения за причиненный вред возникает из самого наличия вреда и причинения этого вреда действиями рекомендателя.

Возражение рекомендателя в этих случаях, что он не мог предотвратить вреда, не должно заслуживать уважения, ибо возможность ошибок или злоупотреблений всегда должна предполагаться.

Право требования к рекомендателю о возмещении причиненного вреда возникает у потерпевшего одновременно с обнаружением факта причинения вреда рекомендуемым.

Надлежит указать также, что истец в делах этого рода может обратиться с требованием о возмещении вреда к рекомендателю независимо от содержания и характера рекомендаций, если только рекомендация эта действительно послу-

жила прямой или косвенной причиной к созданию отношения доверия к лицу, непосредственно причинившему вред. Дело ответчика защищаться всеми способами, предоставленными ему ст. 403 Гр. Код. Во всяком случае, для Суда ст. 406 Гр. Код. всегда открывает возможность обязать причинившего вред к возмещению вреда, хотя-бы и не была установлена причинная связь между его действиями и причинением вреда.

Статья эта, между прочим, особенно резко подчеркивает социальное значение положенного в основание обязанности возмещения вреда начала причинения. Учитывая это, мы должны прийти к заключению, что всякое иное толкование вопроса об ответственности рекомендателя должно идти в разрез с духом нашего Кодекса. Рекомендатель, давая рекомендацию, совершает какие-то действия, пусть даже физического порядка, но влекущие за собой юридические последствия для третьих лиц или учреждений (установление коммерческих или трудовых отношений). Сделать его безответственным за эти действия значило-бы узаконить ту опрометчивость, пагубную для интересов третьих лиц, каковая зачастую имеет место в настоящее время.

Даже безответственных фактически рекомендаций влечет за собой нередко значительный ущерб для государственных учреждений и предприятий.

Поэтому вполне своевременно было-бы обратить внимание на разъяснение вопроса об ответственности рекомендателей в законодательном порядке.

Б. Мовчановский.

О видах обеспечения иска.

При предъявлении исков по 50 процентам исковых заявлений возбуждаются частные ходатайства об обеспечении иска путем наложения ареста на имущество ответчика. Нередко ходатайства эти редактируются так: «... на имущество ответчика, где бы таковое ни находилось и в чем бы оно ни заключалось — по указанию истца». Удовлетворение в такой форме ходатайства об обеспечении исков, что имеет место в практике Губсуда и Нар. Судов, — считаю недопустимым.

Всем судебным работникам хорошо известен увеличивающийся процент исков третьих лиц о признании права собственности на описанное имущество. Обеспечение исков в указанной редакции порождают такого рода дела, а иногда

и дела по жалобам на действия Судебных Исполнителей.

Из текста ст. 89 ГПК усматривается, что Суд по просьбе сторон допускает замену одного вида обеспечения иска другим, откуда явствует, что при вынесении постановления об обеспечении иска должно быть точно указан Судом вид обеспечения, то есть имущество, подлежащее аресту, и местонахождение такового.

Суд. Исполнитель, согласно 277 ст. ГПК, лишь в случаях представления бесспорных доказательств третьими лицами их прав на подлежащее аресту имущество — не подвергает последнее описи, в случае же неимения таковых доказательств на руках в момент описи, арест

имущества производится, с предоставлением третьим лицам права предъявления иска.

Нельзя допустить, чтобы истцу в момент предъявления иска не было известно—где находится и в чем заключается принадлежащее ответчику имущество (единственно, чем вызывалась бы такая неопределенная форма обеспечения), и через 1-2 дня по получении испол-

нительного листа это обстоятельство ему становится известным; а если бы даже и так, рациональнее будет обсудить Суду вопрос о новом виде обеспечения иска, чем порождать новые и новые иски третьих лиц о признании права собственности на описанное имущество.

Думаю, что означенное обстоятельство нуждается в разъяснении.

Е. Порочина.

К вопросу о порядке производства дел по 130 ст. Уг. Код. *)

В статье, помещенной в № 7-м «Еж. Сов. Юст.» за текущий год, тов. Андреев бьет тревогу по поводу «чрезмерного увлечения» 130-й статьей УК и связанного с этим вреда, грозящего нашей экономической политике. В качестве наиболее решительной меры борьбы с этой опасностью, тов. Андреев предлагает установить такой порядок, чтобы по общему правилу дела по первой части ст. 130 могли быть возбуждаемы не иначе, как по особым постановлениям гражданского Суда, рассматривающего дело по иску госоргана к контрагенту. Органам же дознания и следствия право самостоятельного возбуждения преследования по 1-й части ст. 130-й должно быть, по проекту тов. Андреева, предоставлено лишь в тех случаях, когда злонамеренное неисполнение договора сопровождается вполне определенными другими преступлениями—подлогом, мошенничеством и т. п.

Гражданский Суд, таким образом, по мысли т. Андреева, должен стать своего рода фильтром для дел по ст. 130-й УК.

С такой постановкой вопроса согласиться нельзя. Прежде всего здесь невольно напрашивается следующая мысль. Если с точки зрения т. Андреева недостаточным оказывается существующий в настоящее время фильтр в лице следственных органов, прокуратуры и, наконец, уголовного Суда, то какие же есть основания считать, что «лучшим» в этом отношении фильтром будут гражданские отделения Губсудов, проникнутые, по справедливому указанию т. Андреева, «таким же духом Советского классового правосудия, как и уголовные отделения».

Затем, по поводу «чрезмерного увлечения» ст. 130 и связанных с этим опасений т. Андреева... К сожалению, мы не располагаем статистическими данными по этому вопросу, но

вот перед нами доклад УКК Верховсуда, напечатанный в том же № 7 «Еж. Сов. Юст.» и содержащий в себе сводку и оценку важнейших недостатков и нарушений в работе Губсудов за истекший 1924 год. В этом чрезвычайно подробном и обстоятельном докладе статья 130 УК не только не занимает сколько-нибудь значительного места, но, напротив того, ей уделено всего лишь несколько беглых строк, в то время как по целому ряду других статей того же УК, равно как и УПК, доклад подробно останавливается на недостатках, наблюдающихся в работе Судов, давая, вместе с тем, необходимые указания по устранению их на будущее время. Надо думать, если бы положение со ст. 130 было столь угрожающим, как это представляется т. Андрееву,—в руководящих указаниях Верховсуда этому вопросу было бы уделено соответствующее внимание.

Со своей стороны мы считаем общую тенденцию статьи т. Андреева в сторону сугубо ограничительного толкования и применения ст. 130 УК неправильной. Введение этой статьи в наш Уголовный Кодекс несомненно вызывалось объективными условиями и соображениями о необходимости усиленной (не только гражданско-правовой, но и уголовной) охраны и защиты интересов государства, сталкивающегося в лице различных своих органов с частными предпринимателями. Мы полагаем, что все эти условия и соображения, основанные на учете реальной обстановки, сохраняют в полной мере свою силу и по настоящее время. Мы считаем поэтому, что и сейчас еще в области договорных отношений госорганов с частными контрагентами приходится больше думать о защите интересов госорганов, чем о «минимуме гарантий» для контрагентов. Этот «минимум гарантий» у добросовестного контрагента имеется, конечно, и сейчас, и для добросовестных контрагентов ст. 130 не страшна.

*) В порядке обсуждения.

С этой стороны опасения т. Андреева относительно того, что мы рискуем лишиться наиболее добросовестных контрагентов, представляются нам совершенно недействительными и не оправдываемыми опытом истекших трех почти лет существования в нашем Уголовном Кодексе ст. 130.

Но и независимо от этих общих соображений, предлагаемая т. Андреевым мера представляется нам совершенно неприемлемой и по существу. Прежде всего, далеко не всегда для установления факта неисполнения договора контрагентом госоргана и для оценки свойств такого неисполнения необходимо производить сложные бухгалтерские и технические экспертизы. Сплошь и рядом дело обстоит гораздо проще: неисполнение договора на-лицо, и уголовному Суду остается сказать лишь свое слово о характере неисполнения.

Но и далее. Если, как указывает т. Андреев, личный состав гражданских отделений Губсудов по своей квалификации гораздо больше подготовлен к тому, чтобы разобраться в сложных правовых отношениях, вытекающих из договоров; если для установления факта невыполнения контрагентом госоргана принятых на себя по договору обязательств необходимо производить подчас сложные бухгалтерские и технические экспертизы, чтобы разобраться в очень сложных и путанных подчас расчетах между контрагентами, — то в этом отношении прав т. Андреев, когда он говорит, что всю эту работу гражданский Суд, конечно, всегда проделает лучше, более отчетливо, чем уголовный.

Отсюда, казалось бы, мог быть сделан тот лишь логический вывод, что в отдельных случаях, когда по возбужденному в уголовном порядке делу по ст. 130 возникает необходимость в предварительном разрешении спора о праве гражданском и, в связи с этим, необходимость производства сложных бухгалтерских расчетов, экспертиз и т. п., — рассмотрению дела уголовным Судом — должно предшествовать разрешение возникшего гражданского спора гражданским Судом. Тов. Андреев в своих выводах идет, однако, гораздо дальше, предлагая предоставить гражданскому Суду разрешение не только спора о праве гражданском (т.-е. о выполнении или невыполнении договора и о вытекающих отсюда гражданско-правовых последствиях), но также и вопроса о наличии или отсутствии в действиях контрагента госоргана признаков уголовно-наказуемого деяния. Такая постановка вопроса несомненно приводит к полному смешению пределов ведения Суда гражданского и уголовного. Гражданский Суд, конечно, не только вправе, но и обязан, усмот-

рев в действиях того или иного лица признаки преступного деяния, сообщить об этом прокурору, но последнее слово в этом вопросе, конечно, не за гражданским Судом.

Между тем, т. Андреев ставит вопрос именно так, когда говорит, что дела по 1-й части ст. 130 должны возбуждаться не иначе, как по особым постановлениям гражданского Суда. Здесь, несомненно, противоречие с основным положением, выраженным в ст. 12 УПК, согласно которой решение гражданского Суда обязательно для Суда уголовного только в отношении вопроса, имело ли место событие или деяние, но не в отношении виновности подсудимого, т.-е., добавим мы, не в отношении оценки деяния с точки зрения норм уголовного закона. Укажем еще, что если прав тов. Андреев, когда он говорит, что гражданским Судам лучше знакомы и законы, направляющие экономическую жизнь Республики, и сама эта жизнь, поскольку они ежедневно с ней сталкиваются, — то уж в смысле квалификации деяний с точки зрения заведомой их злонамеренности или недобросовестности, — несомненно, более опытные именно уголовные Суды, ибо эта сторона жизни им знакома лучше и с ней они сталкиваются ежедневно в своей повседневной работе.

Что касается чисто технических преимуществ предлагаемого т. Андреевым порядка (разгрузка органов дознания и следствия и т. п.), то эти преимущества не могут быть, конечно, признаны достаточным основанием для превращения гражданских Судов в органы дознания и возложения на них совершенно несвойственных им функций, не говоря уже о том, что результатом разгрузки органов дознания и следствия явилась бы, очевидно, перегрузка и без того уже перегруженных гражданских отделений Губсудов. Касаясь технической стороны вопроса, нельзя не отметить еще одного обстоятельства, упущенного т. Андреевым из виду. Если, по указанию т. Андреева, для того, чтобы установить явно злонамеренное неисполнение договора, уголовному Суду приходится производить сложные бухгалтерские расчеты, технические экспертизы и пр. исследования, то уже во всяком случае бесспорно, что еще в большей мере необходимо произвести прежде всего личный опрос того лица, действия которого подвергаются оценке с точки зрения заведомой их злонамеренности или недобросовестности. А здесь то гражданский Суд и оказывается беспомощным, ибо, согласно ст.ст. 99-101 ГПК, он не имеет даже возможности подвергнуть ответчика приводу. Как при таких условиях будет выносить гражданский Суд свои решающие

определения о привлечении или непривлечении контрагента госоргана к уголовной ответственности, мы решительно себе не представляем.

Наконец, еще одно последнее замечание. Если, как указывает т. Андреев, в настоящее время некоторые учреждения за всякое неисполнение договора тянут контрагента в уголовный Суд только потому, что в гражданском Суде надо платить пошлины и сборы, а в уголовном Суде платить ничего не надо, то в ре-

зультате предлагаемого т. Андреевым порядка все госучреждения и госпредприятия окажутся незаслуженно лишены предоставленного законом и безусловно необходимого права каждого потерпевшего от преступного деяния на безвозмездную защиту государством его нарушенных прав и интересов. Думаем, что и с этой стороны предложение т. Андреева представляется неприемлемым.

П—ров.

Новеллы Азербейджанского УК.

В связи с новыми изменениями, коснувшимися в октябре 1924 г. наших Кодексов—Уголовного и Уголовно-Процессуального—интересно отметить две новеллы, которые в ноябре 1924 г. были Азербейджанским ЦИК введены в свой УК.

Новеллы эти не имеют местного интереса, но затрагивают вопросы, могущие возникнуть и в общесоюзном масштабе, так как касаются уголовного преследования за преступления против рабкоров и уголовной ответственности за вступление в брак (регистрированный) с нарушением закона об актах гражданского состояния. Ст. 25 УК, трагующая об определении меры наказания, дополнена в Азербейджанском УК ст. 25-а следующего содержания:

«Всякое преступное деяние, совершенное в отношении рабкоров, селькоров, военкоров и юнкоров, вызванное их общественной деятельностью в печати, является квалифицированным, особо отягчая участь виновника».

Изданный недавно циркуляр НКЮ РСФСР предусматривает лишь такие преступления в отношении рабкоров, которые, подпада под внешние признаки под ст. 142 УК (убийство), по существу направлены против рабкоров с целями контр-революционными, почему и предлагает привлечь убийц рабкоров и селькоров к уголовной ответственности по признакам ст. 64 УК.

Между тем, какой-нибудь ретивый фабзавкомец может «только» ударить рабкора за «неприятную» заметку (ст. 172 УК), а находящийся под влиянием деревенских кулаков председатель сельсовета за написанную против него статью может сам или через подговор каких-нибудь темных элементов увести, скажем, корову у селькора (ст. 180-в УК). В таких и подобных случаях, когда рабор или селькор стали объектами преступления только лишь по причине своей газетной деятельности, ст. 25-а Аз. УК приходит на помощь.

Положение рабкоров и селькоров в иных

местах СССР и обстоятельства некоторых выявленных в последнее время уголовных дел говорят, конечно, особенно в пользу создания такой статьи УК и у нас.

Вопросы брачного права, как известно сохрани в нашем законодательстве воедино в Кодексе Законов об актах гражданского состояния, брачном и т. д. праве (СУ 1918 г. № 76-77, ст. 810).

Ряд статей второй главы этого Кодекса, определяя материальные условия вступления в брак, устанавливает обстоятельства, при наличии коих лица не могут вступать в брак, т. е. не могут зарегистрировать свои брачные отношения.—По действующему у нас УК карается лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года «сокрытие обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, дача ложных сведений органам, ведущим регистрацию актов гражданского состояния (ст. 96).

Аз. ЦИК расчленил это общее положение в ст. 96-а, которая изложена следующим образом.

«Вступление при существующем браке, не прекратившемся смертью другого супруга или разводом, в новый (многоженство, многоженство) карается лишением свободы до пяти лет.

При повторении такого деяния оно карается лишением свободы со строгой изоляцией не ниже пяти лет.

Наказаниям, указанным в этой статье, подвергаются и вступившие между собой в брак родственники по прямой линии, а равно покровные и неполнородные братья и сестры, хотя-бы родство было внебрачное.

Вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста, карается лишением свободы до пяти лет; при повторении такого деяния оно карается лишением свободы со строгой изоляцией не ниже пяти лет».

Из этой статьи видно, что она предусматривает наказания за нарушение ст.ст. 66, 68, 69

ЗАГС, по которым не могут вступать в брак лица, не достигшие определенного возраста, уже состоящие в браке, и родственники в определенных степенях, хотя-бы и внебрачные.

Нет никакого сомнения, что за половым актом культура признает в первую очередь значение акта, ведущего к размножению. Общество должно в интересах сохранения жизненности и здоровья народа вмешиваться в область половых отношений. Общество должно ограждать себя от вырождения, от грозного роста дефективных лиц, лежащих своим содержанием на плечи всего общества и тормозящих дальнейшее развитие расы (Люблинский, «Преступления в области половых отношений». Ср. «Раб. Суд», 1923 г., № 11, стр. 20-22).

Общественный интерес в данном вопросе заключается не в обветшалой идеологии буржуазной нравственности, воспитанной фарисейскими заповедями церковных учений. Здесь интерес—

действительный, непризрачный, интерес здорового будущего поколения. Поэтому общественное регулирование половых отношений, как таковых, в целях улучшения расы, согласно идеям, выдвинутой евгеникой, поскольку эти отношения могут привести к появлению дефективного потомства, должно войти в законодательство широкими законодательными мерами и коснуться половых отношений определенных категорий населения—и не только в сфере их зарегистрированных брачных отношений, но и незарегистрированных. Этого вопроса одна ст. 96 УК, затрагивающая чисто формальный момент (сокрытие от власти определенных обстоятельств), не разрешает. И нам кажется, что начало, положенное в этой области Азербейджанским УК, находится в полном соответствии с социальным значением евгеники.

И. Любарский.

О научной юридической мысли и пролетарской судебной правде.

В статье «Обеспечение иска» («Раб. Суд» № 3-4) т. Шехтер находит противоречие между логично выведенной теорией науки права, с одной стороны, и утверждением наших народных судей, с другой стороны, по вопросу о праве собственника-ответчика отчуждать имущество, на которое Судом, как стало известно ответчику, наложен арест в обеспечение иска. Нарусудьи утверждают, что собственник не имеет такого права, а согласно науке выходит, что ответчик имеет это право.

Оставляя пока выводы т. Шехтера, нужно сказать, что и формального противоречия здесь нет.

Кажущееся т. Шехтеру противоречие является следствием того, что т. Шехтер исходит из аксиомы (установленной истины), что «нет истца—нет ответчика», но это утверждение для нашего гражданского права вовсе не аксиома.

Правда, ст. 2 ГПК утверждает, что «Суд приступает к рассмотрению дела не иначе, как по заявлению заинтересованной стороны», но, как только дело возникло, Суд не остается беспристрастным зрителем состязания сторон. Та же статья говорит далее: «принятие отказа стороны от принадлежащих ей прав и судебной их защиты зависит от Суда».

Суд действует, вопреки мнению т. Шехтера, не только исключительно «для выяснения действительных взаимоотношений сторон», но и для

того, чтобы дать стороне возможность восстановить его нарушенное право; иначе наш процесс по гражданским делам остался бы процессом состязательным.

Что наш гражданский процесс таким не является—излишне доказывать*).

Если мы видим, что по уголовным делам судебная власть по своей собственной инициативе приступает к обеспечению материального ущерба потерпевшего (ст.ст. 119, 121 УПК), то у нас нет основания считать, что в гражданском процессе Суд может относиться к этому безразлично. Эта мысль становится особенно рельефной (выпуклой), если представить положение, когда на стороне истца стала прокуратура или другие общественные организации (см. в статье т. Кирзнера «Дополн. и изм. ГК» о ст. 33, № 3-4 «Рабочего Суда»).

Теперь о выводе. Т-щ Шехтер останавливается на том случае, когда истцу будет отказано в иске, и тогда окажется, что ответчик-собственник, отчуждая свое имущество, никакого вреда никому не наносил. И по вопросу о наказуемости этого преступления, т.-е. отчуждения имущества вопреки запрещению Суда, т. Шехтер ищет аналогии (подобия) и возвра-

*) Т-щу Шехтеру не раз приходилось высказываться, что наш гражданский процесс не является исключительно состязательным.

щается опять к науке права. По моему, и эта экскурсия излишня. В УК нашем имеется ст. 103.

Раз Суд вынес определение о наложении ареста на имущество в обеспечение иска, то право на это имущество даже до описи его судебным исполнителем становится уже спорным между ответчиком и истцом, и распоряжение ответчика этим имуществом будет самоуправством. Это положение нисколько не будет противоречить и тому случаю, когда ответчик предоставит другое имущество для обеспечения иска.

Если развить мысль т. Шехтера логично, то выйдет, что ответчик, который продал врученное ему на хранение описанное имущество и внес деньги по сумме описи в Суд, тоже не несет ответственности.

Авторитет Суда требует, чтобы всякое его постановление не было нарушено лицом, в отношении коего это постановление вынесено, до отмены его тем же Судом.

М. Ривкин.

Кассационная практика.

Уголовный закон, устраняющий преступность совершенного деяния (или смягчающий его наказуемость), имеет обратную силу.

Верховный Суд РСФСР по Кассационной Коллегии по уголовным делам 10 января 25 г. слушал дело по обвинению гр. Серегина по 95 и 180 п. „б“ ст.ст. УК, по кассационной жалобе осужденного на приговор Выездной Сессии Ленинградского Губсуда от 8 апреля 24 г., коим осужденный за квалифицированную кражу и квалифицированный побег был приговорен к лишению свободы на 5 лет.

Принимая во внимание, что деяние осужденного, квалифицированное Судом по ст. 95 УК, согласно новой редакции этой статьи (Постановл. 2 Сессии ВЦИК XI Созыва—СУ № 79 от 27-XI 1924 г., стр. 1104), является не наказуемым,

Уголовная Кассационная Коллегия Верховсуда отменила означенный приговор Выездной Сессии Губсуда в этой его части, с определенным осужденному по 95 ст. УК наказанием (5 лет лишения свободы) и с прекращением производства по делу в этой ее части.

В части же квалификации деяния осужденного по ст. 180 п. „б“ приговор Верховсудом оставлен в силе с определением осужденному наказания в 2 года лишения свободы, но с освобождением осужденного от дальнейшего отбытия этого наказания в порядке Постаов. ВЦИК от 12-V 1924 г. (Дело № 213076).

В случае совершения подсудимым, до вынесения приговора, двух или более преступных деяний, Суд, определив наказание за каждое преступление отдельно, приговаривает виновного к тягчайшему из всех назначенных ему наказаний, причем последнее может быть повышено до высшего предела наказания, установленного статьей, по коей наказание было определено.

Верховный Суд РСФСР по Кассационной Коллегии по уголовным делам слушал дело по обвинению гр. Шмелинг по 10 и 180 п. „в“ ст. ст. УК и др., по кассационной жалобе осужденного на приговор Ленинградского Губсуда от 4 ноября 1924 г., коим Шмелинг приговорен к лишению свободы сроком на 1 год, а по совокупности с прежним приговором о том же Шмелинге Нарсуда от 22 июля 1924 г. к 2 годам лишения свободы.

Принимая во внимание, что этот приговор, в части назначения наказания осужденному по

совокупности с прежним приговором по правилам сложения (37 ст. УК и циркул. ВС № 71 24 г.), а не—поглощения (30 ст. УК и 465 ст. УПК) наказания—недостаточно мотивирован и поэтому противоречит требованию 30 ст. УК, Уголовная Кассационная Коллегия Верховсуда приговор, в части определения о совокупности приговоров, отменила с обращением дела к новому рассмотрению, в этой его части, в порядке 461 ст. УПК.

(Дело № 212463).

Свое несогласие с выводами экспертизы Суд должен мотивировать (298 ст. УПК).

Верховный Суд РСФСР по Кассационной Коллегии по уголовным делам слушал дело по обвинению гр. на Дикштйва по 1 ч. 128 ст. УК, по

кассационной жалобе осужденного на приговор Ленинградского Губсуда от 5-6 декабря 1924 г., которым он был приговорен к 2 годам лишения свободы.

Принимая во внимание, что Суд вопреки требованию 298 ст. УПК не мотивировал своего несогласия с выводами судебной экспертизы о необоснованности данных следственной экспертизы, положенных в основание обвинительного заклю-

чения по делу, вследствие недоследованности дела в этом направлении, отменил означенный приговор и обратил дело к новому рассмотрению.

(Дело № 213558).

Дача взятки безработным трудящимся в целях поступления на работу, хотя и заключает в себе, по букве закона, состав преступления ст. 114 «а» УК, но возбуждение уголовного преследования за такого рода деяние, с точки зрения Советской судебной политики, представляется совершенно нецелесообразным.— В данном случае должно иметь место лишь уголовное преследование берущего взятку.

Верхсуд РСФСР по Кассационной Коллегии по уголовным делам слушал дело по обвин. гр. Раутсеп, по ст.ст. 114 „а“, 116, 113 и 180 „а“ УК и о др. лицах по кассационной жалобе защиты осужденных на приговор Ленинградского Губсуда от 24-27 ноября 1924 г., коим гр. Раутсеп приговорен к лишению свободы на 3 года.

Оставив указанный приговор в силе, УКК—ВС, в порядке надзора, указала Суду, что признание Раутсеп виновным, в части обвинения по 114 „а“ ст. УК, за дачу взятки из желания поступить на службу представляется нецелесообразным уклоном,

который в дальнейшей практике должен быть отвергнут. В данном случае может быть преступление только со стороны лица, берущего на службу, но ни в коем случае не безработного, поступающего на службу, так как каждый безработный, находясь в тяжелом положении, может, конечно, согласиться дать взятку, но это действие его представляется лишь достижением безработным трудящимся элементарных условий существования; при таком условии уголовное преследование совершенно нецелесообразно.

(Дело № 213188).

С преступлением, т. е. с деянием общественно опасным в данной стадии переходного и коммунистического строю периода времени, надо бороться сурово.— Однако мера наказания должна быть целесообразна и соответствовать, по тяжести, степени и характеру опасности как личности самого преступника, так и совершенного им преступления.

Верхсуд РСФСР по Кассационной Коллегии по уголовным делам слушал дело по обвинению Федорова Ивана и др. в контрабанде по 16 и 2 ч. 97 ст.ст. УК по кассационной жалобе осужденных на приговор Ленинградского Губсуда от 13 октября 1924 г., которым Федоров И. приговорен к высшей мере наказания.

УКК—ВС, констатируя, что хотя с контрабандой и надо бороться сурово, но что по данному делу мера наказания, особенно И. Федорову,

по тяжести своей не соответствует содеянному, так как последний, в прошлой своей деятельности, участвовал в боях с белыми и из обстоятельств дела не представляет особой социальной опасности, оставила приговор в силе, но смягчила наказание осужденному И. Федорову (347 ст. УПК) до пяти лет лишения свободы со строгой изоляцией и поражением прав на 3 года, соответственно снизив наказание и осужденным его соучастникам.

Принцип сложения наказаний применялся Судом лишь в том случае, если последующее преступление совершено осужденным после вынесения первого приговора, но до отбытия по нему наказания (по аналогии требования 37 ст. УК).— В противном случае, если оба деяния совершены— до первого приговора, применяется принцип поглощения наказаний (по правилам 30 ст. УК).

Верхсуд РСФСР по Кассационной Коллегии по уголовным делам слушал дело по обвинению гр. Виноградова по 1 ч. 86 ст. УК, по кассационной жалобе осужденного на приговор Ленинградского Губсуда от 28-29 октября 1924 г., которым осужденный приговорен за указанное деяние к 2 г. л/св., а по совокупности с приговором о нем же Нарсуда от 8 августа 1924 г. к 3 г. л/св. с применением требования 49 ст. УК.

Оставляя в силе означенный приговор, УКК—

ВС, установив, что новое преступление (1 ч. 86 ст. УК) было совершено осужденным до вынесения первого приговора о нем (от 8 августа 1924 г.) и что Губсуд неправильно, в данном случае, применил принцип сложения наказаний, определила: приговор Нарсуда от 8 августа 24 г. считать поглощенным в части л/св. приговором Губсуда от 28-29 октября т. г., т. е. определить осужденному наказание, в конечном итоге, в 2 года лишения свободы.

Когда убийство совершено в целях сокрытия уже совершенного другого преступления, то деяние это подлежит правовой квалификации не как разбой (184 ст. УК), а именно, как убийство, но квалифицированного характера (142 ст. УК).

Верхсуд РСФСР по Кассационной Коллегии по уголовным делам слушал дело по обвин. гр. Цешельского по 1 ч. 184 ст. УК, по кассационной жалобе осужденного на приговор Ленинградского Губсуда от 7 января 1925 г., которым он осужден к высшей мере наказания.

Принимая во внимание: что в деяниях Цешельского по делу и из приговора усматриваются признаки: квалифицированной кражи, предусмотренной ст. 180 п. „б“ УК и, помимо того, убийства,

совершенного в целях сокрытия означенной кражи, и что такого рода убийство предусмотрено ст. 142 п. „г“ УК, УКК—ВС определила: исключить из приговора ст. 184 ч. 1 УК и деяния Цешельского квалифицировать по ст.ст. 142 п. „г“ и 180 „б“ УК; меру наказания по этим ст.ст. по совокупности (30 ст. УК) назначить 10 лет лишения свободы со строгой изоляцией и с поражением прав сроком на 5 лет.

(Дело № 2576.)

Уголовно наказуемым по 166 ст. УК является половое сношение лишь с лицом, заведомо (для виновного) не достигшим половой зрелости.

Верхсуд РСФСР по Кассационной Коллегии по уголовным делам слушал дело по обвин. гр. Ритина по 166 ст. УК, по кассационной жалобе осужденного на приговор Ленингр. Губсуда от 3—4 июня 1924 г., которым он осужден к лишению свободы на 3 года.

Принимая во внимание: что ст. 166 УК предусматривает умышленное преступление, т. е. виновный заведомо должен знать, что лицо, с которым он вступает в половое сношение, не достигло половой зрелости; что потерпевшая и до

этого случая имела половые сношения и с другими лицами, а равно, что потерпевшая больна венерической болезнью, между тем как у осужденного болезнь не обнаружена, и что в деле нет обстоятельств, которые бы свидетельствовали, что осужденный заведомо знал о возрасте потерпевшей и что она не достигла половой зрелости; что дело, таким образом, недостаточно обследовано, УКК—ВС определила: указанный приговор отменить и дело обратиться к новому рассмотрению, со стадии предварительного следствия. (Дело № 26541.)

Уголовно-наказуемой по 181 ст. УК является покупка имущества лишь заведомо (для виновного) краденного.

Верхсуд РСФСР по Кассационной Коллегии по уголовным делам слушал дело по обвин. гр. Курги по 2 ч. 181 ст. УК и других, по кассационной жалобе осужденного на приговор Ленинградского Губсуда от 13 июня 1924 г., которым осужденный приговорен к 3 годам лишения свободы с конфискацией имущества на сумму 200 рублей.

Принимая во внимание, что из обстоятельств дела в отношении осужденного Курга нет доста-

точных оснований предполагать, что он заведомо знал, что покупаемые им коровы являются краденными, УКК—ВС определила: приговор в части, касающейся осуждения Курга, за недоказанностью, на осн. п. 1 ст. 413 УПК отменить и дело о нем направить в тот-же Суд на исследование и новое рассмотрение в ином составе.

(Дело № 26692.)

Уголовно-наказуемым по 116 ст. УК является лишь такой служебный подлог, который был совершен виновным из каких-либо корыстных или других злых видов,

Верхсуд РСФСР по Кассационной Коллегии по уголовным делам слушал дело по обвин. гр-н Белокреницкого и др., по 116 ст. УК, по кассационной жалобе осужденных на приговор Ленинградского Губсуда от 9 июня 1924 г., которым осужденные приговорены к условному лишению свободы на 6 месяцев каждый.

Не усматривая из приговора и дела в деяниях

осужденных какой-бы то ни было корысти и вообще каких-либо злых действий, УКК—ВС определила: за отсутствием в действиях осужденных состава уголовно наказуемого деяния, указанный приговор отменить и дело, в уголовном порядке, в отношении всех осужденных прекратить.

(Дело № 26489.)

Заметки по вопросам практики.

Аборт и частные лечебницы.

(К ст. 146 УК).

По разъяснению НКЮ и НКЗдрава от 3 ноября 1924 г. за № 221 (см. „Еж. Сов. Юст.“ № 13—25 г.) койки советских больниц предоставляются для производства операций аборта в определенной очереди, так как в данный момент советские больницы не могут удовлетворить всех требований. Очередь устанавливается специальными комиссиями при Подотделе охраны материнства и младенчества. Койки предоставляются в следующем порядке. Прежде всего удовлетворяются требования застрахованных, причем соблюдается следующий порядок: 1) безработные — одиночки, пользующиеся пособием с бирж труда, 2) одиночки-работницы, имеющие одного ребенка, 3) многодетные, занятые в производстве, 4) многодетные жены рабочих и 5) все остальные группы застрахованных. Что касается незастрахованных, то требования их удовлетворяются после удовлетворения требований застрахованных, причем и в этом случае соблюдается указанный выше порядок предоставления очереди.

Что касается частных лечебниц, то производство в них операций аборта может быть допущено лишь в лечебницах, зарегистрированных местными губздравицами.

Опечатывание при обыске и выемке.

(К ст. 184 УПК).

Наркомвнудел предложил местам изготовить для выполнения органами дознания требования ст. 184 УПК касательно немедленного опечатывания на месте документов и предметов, отобранных при обыске или выемке, необходимое количество сургучных гербовых печатей. В частности, для органов дознания гор. Ленинграда должно быть изготовлено до 10 таких печатей. Печати должны изготовляться по нумерам и кроме наименования адморганов должны иметь надпись: „для опечатывания“.

Обязательные постановления ВИКов.

Согласно предложению НКВД (см. „Еж. Сов. Юст.“ № 14—25 г.) издание обязательных постановлений волисполкомами должно ограничиваться кругом следующих вопросов: 1) принятия санитарных мер (борьба с загрязнением колодцев, рек, озер и т. д.); 2) организации и проведения

мер общественной борьбы со стихийными бедствиями, 3) принятия противопожарных мер; 4) расквартирования проходящих войск; 5) ветеринарной помощи населению, борьбы с эпизоотиями и с вредителями; 6) отравы и порчи лугов, зеленой и посевов.

При обнаружении обязательного постановления должны быть указаны сроки предварительного исполнения его населением, вполне достаточные для устранения тех явлений, борьбу с которыми ставит своею задачей обязательное постановление.

Штраф, налагаемый волисполкомами, не должен превышать 3-х рублей; срок принудительных работ не должен превышать 5-ти дней.

Что касается введения в действие обязательных постановлений, то последние должны быть обнаружены через совещания на сельских съездах и через вывешивание на видных местах.

К фальсификации предметов потребления.

(Ст.ст. 191, 141 и 139 УК).

Подкрашивание пищевых и вкусовых продуктов и напитков составляет обычное явление в торговом обороте. Для устранения опасных для здоровья населения последствий такового подкрашивания НКЗдрав РСФСР запретил употребление минеральных, каменноугольных и других красок, за исключением лишь тех, которые допущены к употреблению правилами НКЗдрава от 4 февраля 1925 г. за № 301/32 (см. „Еж. Сов. Юст.“ № 13—1925 г.). Наблюдение за выполнением этих правил лежит на санитарных органах НКЗдрава, причем лица, виновные в нарушении этих правил, привлекаются к ответственности по ст. 191 УК. На фабрикатах должна быть пометка о разрешении для подкраски продуктов или напитков Губздравотделом. Приготовление красок и выпуск их в оборот с нарушением правил НКЗдрава карается по ст. 141 УК. Краски, поступающие из-за границы, могут продаваться только после особого санитарно-лабораторного контроля в губздравотделах; не соблюдающие этого требования подлежат ответственности по ст. 139 УК.

О личном имуществе членов двора.

(К ст. 77 Зем. Код.).

При разделе трудовых сельскохозяйственных хозяйств особую остроту получают споры об имуществе личного пользования отдельных членов двора. Обыкновенно, согласно ст. 77 Зем. Код. главным основанием к разрешению этих споров

служило обследование того обстоятельства, приобретено ли спорное имущество на личные средства отдельного члена двора. В настоящее время Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам разъяснила, что не может быть признаваемо личным имуществом отдельных членов двора то имущество, которое служит для удовлетворения потребностей всего двора, напр., живой и мертвый инвентарь, строения, продукты, зерновые запасы и прочие предметы, обслуживающие потребности двора, независимо от того, было ли приобретено это имущество на личные средства отдельных членов двора или на средства двора. (См. „Еж. Сов. Юст.“ № 5—25 г.).

Иски о лишении земли.

Практика деревенского быта знает случаи, когда землепользователи, не имея к тому уважительных оснований, не ведут собственного трудового хозяйства и предпочитают использовать чужой труд путем наемных работников. Нежелательное явление это устранимо силами земельного общества и именно путем иска. Согласно недавнего разъяснения Особой Коллегии Высшего Контроля по земельным спорам, земельное общество имеет право заявить исковое ходатайство в земельных комиссиях о лишении земли землепользователей, не ведущих самостоятельного трудового хозяйства на предоставленной им обществом земле и обрабатывающих ее при помощи наемного труда без уважительных к тому оснований. (См. „Еж. Сов. Юст.“ № 5—25 г.).

Крестьянские выделы.

(К ст. 140, 166 и 81 Зем. Код.).

Особая Коллегия Высшего Контроля по земельным спорам разъяснила, что, согласно ст. 140 и ст. 166 Зем. Код., выделы земель из общества отдельным дворам производятся в землеустроительном порядке, с предварительным обсуждением общим собранием данного общества целого ряда вопросов, связанных с производством этих выделов.

По землеустроительным делам, в частности, по делам о выделах, земельные комиссии имеют право принимать к своему рассмотрению лишь такие заявления заинтересованных лиц, которые делаются ими в порядке возбуждения спора при производстве землеустройства.

Согласно смыслу ст. 81 Зем. Код., все споры, возникающие при земельно-имущественных разделах, когда предметом раздела являются одновременно имущество и земля, хотя бы в отношении раздела последний спор и не возникал, подлежат ведению земельных комиссий. (См. „Еж. Сов. Юст.“ № 3—25 г.).

Начисление пени на пеню.

(К ст.ст. 213 и 214 Гр. Код.).

Закон не содержит исчерпывающих указаний о способе исчисления пени. Отсюда спорный вопрос, подлежит ли начислению пени на пеню, образовавшуюся за предыдущие месяцы или дни. В настоящее время вопрос этот разъяснен Отделом Законод. Преди. и Кодификации НКЮ в следующем смысле:

Ст.ст. 213 и 214 Гр. Код. определяют, что проценты начисляются только на капитальную сумму, что начисление процентов на проценты (сложные проценты) воспрещается, что проценты выплачиваются ежемесячно. За недостатком указаний закона о способе исчисления пени следует, руководясь общими началами Советского законодательства и общей политикой Рабоче-Крестьянского Правительства (ст. 4 Гражд. Пр. Код.), распространить порядок исчисления и взимания процентов на исчисление и взимание пени.

По изложенным соображениям следует прийти к выводу, что не должно производиться исчисление пени на пеню, образовавшуюся за предыдущие месяцы или дни. („Еж. Сов. Юст.“ № 3—25 г.).

Пеня и выселение.

(К Инструкции об оплате жилых помещений).

Практику чрезвычайно интересовал вопрос о том, какие последствия в отношении взыскания пени влечет за собой неприятие долевой администрацией мер к выселению квартирантателя за неплатеж квартирной платы. Взыскивается ли в таких случаях пеня? По этому вопросу НКЮ по Общекоординационному подотделу дано следующее разъяснение.

1) Ст. 26 инструкции НКВД по применению положения ВЦИК и СНК РСФСР от 21 июля 1924 г. об оплате жилых помещений в поселениях городского типа говорит: „Ст. 26. За несвоевременный взнос квартирной платы, т. е. позже предельных сроков... Исполкомами устанавливается пеня в размере $\frac{1}{10}$ процента за каждый просроченный день с рабочих и служащих и $\frac{1}{4}$ процента со всех остальных лиц“.

2) Примечание к ст. 26 говорит: „Независимо от взимания пени домоуправление вправе предъявить иск о выселении лица, не уплатившего квартирную плату“.

Текст примечания к ст. 26 в форме, не оставляющей места для противоположного понимания, говорит, что пеня взимается независимо от принятия мер к выселению неисправного жильца, и что неприятие мер к выселению не должно влечь прекращения начисления пени. („Еж. Сов. Юст.“, № 3—25 г.).

Вопросы и ответы.

Ленинград. Подписчику К-ву.

Вопрос. Имеет ли право лицо, не участвующее в течение более двух севооборотов подряд своим трудом или средствами в ведении общего хозяйства двора, получить по соглашению часть земли и имущества двора?

Ответ. Привняв во внимание, что ст. 75 Зем. Кодекса имеет в виду лишение только права „требовать“ раздела, следовало бы прийти к выводу, что статья эта не лишает права на получение части земли и имущества двора, если эта часть предоставляется участниками раздела добровольно. Во всяком случае, согласно п. „д“ ст. 78 Зем. Код. в раздельную запись могут включаться „условия, не противоречащие закону, какие участники соглашения признают нужным установить“. Добровольное же предоставление участия в разделе двора лицам, потерявшим по ст. 75 Зем. Код. право на требование раздела, едва ли можно считать противоречащим закону.

Казань. № 11323.

Вопрос. Кому принадлежит право надзора по трудовым делам?

Ответ. Вопрос стоит в зависимости от того, разрешались ли эти вопросы в примирительном (третейском) или в принудительном (судебном) порядке. Когда спор или конфликт разрешен в РКБ, примирительной камере или третейском суде, право надзора принадлежит исключительно Наркомтруду и его органам. Право надзора по гражданским трудовым делам, разрешенным судебными органами, принадлежит не только Наркомтруду и его органам, но и общему прокурорскому надзору; последнему, наравне с НКТ и его органами, принадлежит и право надзора по делам о наказуемых нарушениях трудового законодательства и колдоговоров (уголовным трудовым делам). Надзор же за законностью и правильностью решений и постановлений по трудовым делам, разрешенным в порядке примирительного разбирательства, принадлежит только Наркомтруду и его органам на местах—на основании Положения об РКБ от 13 ноября 1922 г. и согласно ст. 13 Инструкции Наркомтруда СССР от 14 августа 1923 г. № 38 по применению Положения о прим. камер и трет. судах („Изв. НКТ СССР“, № 4/28).

Самара. Анне Корняковой.

Вопрос. Как поступить в том случае, когда учреждение, у которого на службе состоит отец ребенка, обязанный Судом платить алименты, не производит удержания присужденной суммы?

Ответ. В законе (ст. 291 ГК) не указано, в каком именно порядке отвечают учреждения, не исполнившие предписания судебного исполнителя об удержании с заработной платы должника. В этом случае следовало бы, по нашему мнению, взыскателю предъявить иск в Нарсуде по местонахождению несправного учреждения к этому последнему о взыскании с него подлежащей удержанию суммы. См. по этому вопросу книжку—комментарий В. И. Лучанинова «Исполнение судебных решений», стр. 176.

Козлов. Липинскому.

Вопрос. В каком порядке Народный Судья устанавливает самоличность сторон и подлинность подписи?

Ответ. Самоличность сторон, для которых совершаются те или иные нотариальные действия, устанавливается удостоверением личности, выданным подлежащим учреждением. Подпись на свидетельствуемом документе должна быть сделана в присутствии Народного Судьи или должна быть признана перед Народным Судьей лицом, učinившим подпись, за сделанную собственноручно. Если у означенных лиц нет на руках удостоверения личности, самоличность их может быть удостоверена двумя гражданами, лично известными Народному Судье и не ограниченными по Суду в правах (см. ст. 13 Пол. о Нот.). Конечно, если лица, участвующие в акте, или лица, для которых совершено нотариальное действие, Нарсудье лично известны, то Нарсудья самоличности их путем истребования удостоверения личности не поверяет (см. п. 35 Инструкции Нот.). От свидетелей, удостоверяющих самоличность сторон, Нарсудья, согласно п. 41-му Инструкции, отбирает подписку. По удостоверении в самоличности подписавшего, Нарсудья свидетельствует подпись, делая надпись на документе о том, что подпись такого-то на этом документе učinена собственноручно таким-то.

Калуга. Подписчику А. И. Сапожникову.

Вопрос. Подлежит ли кража лошади у священника преследованию по п. „в“ ст. 180 УК?

Ответ. Кража лошадей, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РСФСР по делу Башглавсуда по обвинению гр-н Родюшкина и Якушевых по ст. 180 п. „в“ УК, подлежит квалификации по п. „в“ ст. 180 УК, как особо квалифицированная кража, лишь в случае, если она совершена у трудового земледельческого населения. Священник же, если даже он занимается сельским хозяйством, как побочным занятием, не может быть отнесен к трудовому земледельческому населению, поскольку основным средством к существованию является нетрудовой доход. Поэтому кражу лошадей у священника правильнее квалифицировать по п. „б“ ст. 180 УК.

Нарследу К.

Вопрос. В каких именно случаях злоупотребление властью следует квалифицировать по 1 ч. ст. 105 УК?

Ответ. Подробное разъяснение вопроса дано Верховным Судом РСФСР в определении № 212460 по делу Ульяновского Губсуда по обв. гр-на Победимского по 1 ч. 105 ст. УК. Согласно этому разъяснению, для полного состава злоупотребления

властью, как служебного проступка, необходимо, чтобы в действиях должностного лица были, во-1-х, признаки: а) возможность совершения действия единственно благодаря служебному положению и б) совершение такого действия, которое не вызвано соображениями служебной необходимости, во-2-х, чтобы налицо было хотя бы одно из следующих последствий: а) явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия; б) материальный ущерб учреждению или предприятию; в) нарушение общественного порядка или охраняемых законом прав и интересов отдельных граждан. Служебный проступок переходит в преступление и влечет за собой наказание по 1 ч. ст. 105 УК в том случае, если в действиях должностного лица, сверх только что указанных признаков служебного проступка, имеется хотя бы один из признаков, указанных во второй части статьи 105 УК, а именно: а) систематичность совершения служебных проступков; б) корыстная и иная личная заинтересованность в совершении служебных проступков; в) наличие особо-тяжких последствий служебных проступков; г) возможность наступления тяжких последствий, когда эта возможность совпадала с должностными лицами, совершающими служебный проступок.

В Е С Т И С М Е С Т

Ястребинская волость Кингисеппского уезда. С большим интересом ожидали мы собрания нарзаседателей нашей волости. Народу набралось до семи десятков. Из них третья часть — наши деревенские женщины. Для них все было внове, зато и слушали нарсудью, что называется, изо всех сил. Доклады простецкие, как раз то, что нам надобно. Всем понятно. Судья отчитался перед нами в своей работе. Одобрили. Растволковано было о нарзаседателях и Нарсуде и о том, какие дела уголовные, а какие гражданские. Раньше слышишь, бывало, от кого: уголовное, мол, или гражданское, а в голове неясность какая-то. После доклада нарсудьи гораздо доступнее стало и больше понимаешь, о чем судить будешь. Воспользовались мы присутствием судьи и задавали ему вопросов. Больше интересовались правом застройки в сельских местностях и на отрубках, наследованием, о праве пользования сельских хозяйств на имущество в разных обществах. Получив на все вопросы пояснения, вынесли следующую резолюцию: „заслушав доклад нарсудьи тов. Матвеева об общих началах Советского гражданского и уголовного права, системе Нарсуда и обязанностях нарзаседателей при рассмотрении дел в судеб-

ных заседаниях, находим проводимую Нарсудом классовую и карательную политику правильной; находим нужным оказывать Суду сильную помощь непосредственным и своевременным участием в качестве Нарзаседателей, где мы являемся равноправными членами Суда, усилить карательную политику там, где нужно и необходимо, и, наоборот, уменьшить, как это требует наш классовый подход; находим, что Нарсуд и в дальнейшем справится с возложенной на него задачей, зорко будет стоять на страже интересов пролетария и трудящихся, и всякий трудящийся найдет в Суде свою должную защиту, и что наше знание мы сумеем передать нашим избирателям.

Ив. Логинов.

Молосковицкая волость Кингисеппского уезда. На нашем собрании Нарзаседателей Народному Судье были даны для разъяснения следующие вопросы: 1) сколько дней должны отбывать Нарзаседатели; 2) кто может быть Нарзаседателем, какие его права и обязанности; 3) почему раньше времени выпускают арестованных, лишенных свободы; 4) как может быть произведен раздел двора и может ли быть сме-

нен глава семьи, как не могущий вести хозяйство двора.

По докладом Нарсудьи вынесена такая резолюция: „признать политику Рабоче - Крестьянского Правительства СССР в деле Народного Суда правильной и соответствующей интересам трудящихся; каждый трудящийся найдет себе защиту в Народном Суде и наш классовый интерес будет охранен Нарсудом; о своей работе в Суде будем докладывать избравшим нас, и тем самым будут распространены правовые основы нашего СССР.“

Я. п.

Волховской уезд. Уездное совещание по борьбе с преступностью (в гор. Новой Ладого) прошло весьма оживленно. Происходившие ранее совещания были только с участием судебных и следственных работников—на это-же совещание были также приглашены волостные надзиратели Милиции и Председатели ВИК-ов, которые приняли самое активное участие в совещании и очень многое дали ему, высказав свои соображения о работе в волостях.

На совещании был выслушан доклад Помпрокурора т. Шидловского о борьбе с преступностью.

По этому докладу совещание констатировало, что преступность в уезде за последнее время постепенно увеличивается: особенно самогон и хулиганство. Учитывая это, совещание постановило усилить карательную линию в области борьбы с этими видами преступления, проводя показательные процессы на местах с привлечением широких масс населения; наряду с этим—обратить внимание на воспитательную работу среди населения—для чего проводить беседы в избах-читальнях, домах крестьянина и пр., освещая всесторонне этот вопрос в местной печати. В общей линии по борьбе с преступностью совещание поручило уездной комиссии по борьбе с преступностью разработать детали методов борьбы, применительно к местным условиям уезда.

Из вопросов местного характера заслуживает внимания поставленный на совещании вопрос об организации в уезде Юридического Общества. Пом. Прокурора т. Шидловский предложил организовать Общество, которое взяло бы на себя: 1) изучение Советского права и 2) оказание юридической помощи деревне.

Для этого Общество посылает в деревню нужную литературу по вопросам права и периодически посылает своих членов по деревням для проведения бесед и пр., а также устанавливает связь со всеми низовыми сельскими ячейками для оказания юридической помощи.

Совещание в целом согласилось с таким предложением и выделило временное Бюро Общества.

По окончании совещания Председатели ВИК-ов, которые были привлечены к участию на совещании в первый раз, высказались за

необходимость чаще созывать подобные совещания, ибо они служат не только подитождению работы за известный период, но в то-же время и хорошей школой коллективной проработки различных вопросов местной практики по борьбе с преступностью.

И. Введенский.

Райнарсуд гор. Кронштадта. В гор. Кронштадте как известно, ранее, чем в других городах Республики, начали работать Суды революционной законности. 25-го февраля 1923 года, по распоряжению Ленинградского Губсуда, два судебных и следственных участка гор. Кронштадта были слиты в один „Районный Народный Суд гор. Кронштадта“ со следственной камерой при нем. Статистические данные о работе Райнарсуда дают основание к следующим выводам: 1) преступность за 1924 г. по сравнению с 1923 г., не говоря уже о прошлом, в гор. Кронштадте понизилась; 2) за 1924 г замечается рост гражданских дел в процентном отношении к поступлению уголовных дел, т. к. за 1923 г. гражданские дела по отношению к уголовным составляли 50%, а в 1924 г.—85%; 3) в качественном отношении работа Райнарсуда по сравнению с прошлым работы Судов также была поднята, т. к. на 1 января 1923 г. оставалось нерешенных уголовных дел 479, гражданских—121; на 1-е же января 1924 г. уголовных дел (нерешенных)—67, гражданских 6; на 1 января 1925 г. —уголовных дел 10, гражданских дел—5. Пропускная способность Райнарсуда значительно возросла, залежей нет; 4) процент подвергаемых отмене приговоров и решений Кассинстанцией значительно сократился.

Что касается работы следкамеры при Райнарсуде, то и в ее работе заметно значительное улучшение: 1) число неоконченных дел, сравнительно с прошлыми годами, особенно, если принять во внимание, что с мая 1924 г. работает один следователь, значительно уменьшилось, составляя на 1-е января—16 дел; 2) средний срок прохождения дел значительно уменьшился, чем устранена возможность залежи; 3) процент возвращаемых для доследования дел также значительно уменьшился, что, конечно, свидетельствует о явном качественном улучшении работы местного след-аппарата.

Трудовой сессии в гор. Кронштадте не имеется, и работу ее выполняет Райнарсуд с приглашением на заседания Инспектора Труда. Количество трудовых дел незначительное.

Что касается юридической помощи населению, то в г. Кронштадте имеется один постоянный член Коллегии защитников, являющийся уполномоченным от президиума Коллегии защитников. Кроме того, президиумом посылались в порядке очереди еще два члена Коллегии защитников. По некоторым судебным процессам выступали представители, ко-

мандрованные для этой цели партийными и профессиональными организациями. Юридическая помощь населению оказывалась путем консультации, существующей при Райнарсуде, еженедельно по вторникам и четвергам, и путем постановки докладов и лекций по различным вопросам нашего законодательства в клубах, на заводах и в воинских частях.

Особое внимание уделялось Райнарсудом кампании по выборам Нарзаседателей. Последним оказывалась в их работе полная поддержка, устраивались, в частности, общие собрания с постановкой соответствующих докладов и разъяснением задач Нарзаседателей. По социальному составу Нарзаседателей: рабочих—64,36%, красноармейцев и краснофлотцев—21,82%, служащих—13,82%. Образована

ударная группа Нарзаседателей в количестве 75 граждан.

В целях большего приближения Суда к массам производилась постановка показательных процессов, с выездом для заслушивания дел в клубы, с широким привлечением рабочих, рабочих, красноармейцев и военмор. Настроение приутоживавших на процессах явно показывало солидарность масс с выносимыми Судом приговорами.

В наступающей третьей годовщине Райнарсуд в лице всех своих судей-работников готов приложить все усилия к наилучшему выполнению задач Суда, как организатора новой Советской общественности и нового Советского быта, исполняя волю всей пролетарской массы Республики.

А. А. Г.

Хроника.

Деятельность бюро юрисконсультов при Севкавкрайвнутрирге.

Бюро юрисконсультов при Севкавкрайвнутрирге организовалось в средних числах октября 1923 г. в г. Ростове н/Д, но фактически приступило к работе после утверждения Краевым Экономическим Советом Положения о нем, т. е. 7-го ноября 1923 г.

Целью организации бюро было: объединение и согласование работ юрисконсультов государственных, общественных учреждений и хозяйственных органов; обсуждение и разработка проектов постановлений, подготовляемых и издаваемых в области экономическо-правовой руководящими органами; обсуждение и дача заключений по всем принципиальным и спорным вопросам юридического характера, возникающим в текущей работе государственных, экономических учреждений и организаций; установление и поддержание информации заинтересованных учреждений, предприятий и лиц о законодательной и инструкторной деятельности центральных и хозяйственных учреждений и организаций; единообразное истолковывание и применение издаваемых законодательных актов и распоряжений как центральных, так и местных органов власти и рассмотрение различных вопросов, возникающих в связи с применением, толкованием и изданием законоположений.

Членами вышеуказанного бюро состояли все юрисконсульты государственных, общественных и торговых учреждений и предприятий.

Одновременно с бюро юрисконсульты, по инициативе областного прокурора С. И. Орловского, организовалось Краевое Общество работников Советского права, и представитель Общества вошел в состав президиума бюро юрисконсульты, вследствие чего решено было устраивать соединенные собрания.

За истекший год бюро рассмотрело 220 докладов-вопросов, что составляет в среднем на каждое еженедельное заседание общего собрания 4-5 докладов-вопросов, выдвигаемых ежедневной практикою каждого юрисконсульта.

Среди прочих докладов бюро юрисконсульты

подвергло анализу, по поручению НКВнутрирга, проект торгового свода СССР, действующий ж.-д. устав, на предмет дополнения и изменения его. Кроме того, рассмотрены вопросы: „О закрепленных домах“, „Об административном выселении“, „О хозяйственных преступлениях“, „О мировых соглашениях“ и ряд других спорных вопросов. *Особое место заняло обсуждение вопроса о правах и обязанностях юрисконсульты госучреждений и предприятий.* Необходимость и важность постановки этого вопроса на обсуждение были очевидны с первых дней открытия деятельности бюро. Сообщение о предстоящем съезде юрисконсульты ВСНХ еще более усилило интерес. Разработке данного вопроса были посвящены доклады Н. Ворожейкина и Н. Клеймана, вызвавшие оживленный обмен мнений. В конечном выводе бюро выработало ряд положений, устанавливающих, что юрисконсульты госучреждения или предприятия пользуется всеми правами должностного лица; юрисконсульту не присваивается никакая-либо распорядительная власть; заключение юрисконсульта не обязательно для органа, требующего совета или заключения; на юрисконсульта возлагается: дача заключений по всем вопросам правового характера, ведение дел в судебных и административных установлениях, юридическая обработка договоров, доверенностей, обязательств и т. п., участие в разработке положений, уставов, инструкций, ревизионных актов и документов для согласования их с законом и ведомственными распоряжениями и т. п.; юрисконсульт наравне с другими должностными лицами несет ответственность за свою деятельность в дисциплинарном и судебном порядке на общих основаниях.

Резолюция по этому вопросу была положена в основу проекта об „Основном положении юрисконсульта хозоргана“, выработанного бюро юрисконсульты при НКФ в Москве.

При бюро функционирует библиотека, имеющая много книг и журналов правового характера, материалы законодательства и др. пособия. В 1924 г. библиотека пополнена 312 книгами.

Д. Е. Розенберг.

Законодательная хроника.

Внутреннее управление.

Об административном выселении граждан из занимаемых ими помещений.

Выселение граждан в административном порядке из прикрепленных к учреждениям домов допускается только при условии предоставления иной жилой площади и транспортных средств и лишь из следующих домов:

- 1) прикрепленных к фабрикам и заводам;
- 2) „ к железным дорогам;
- 3) „ к воинским учреждениям;
- 4) закрепленных за главным управлением местами заключения и предназначенных для проживания административного персонала и надзора;
- 5) отведенных в г. Москве под студенческие общежития;
- 6) специальных корпусов школьных и лечебных заведений. (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 23 февраля 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 51).

Об установлении перечня узаконений, утративших силу с изданием постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 12 декабря 1924 г. „О порядке производства торговли, хранения, пользования, учета и перевозки оружия, огнестрельных припасов, разрывных снарядов и взрывчатых веществ“.

В связи с изданием вышеуказанного постановления считаются утратившими силу следующие законоположения:

- 1) декрет СНК от 10 декабря 1918 г. о сдаче оружия („С. У.“ 1918 г. № 93, ст. 933);
- 2) декрет СНК от 27 мая 1919 г. ст. 5-я о праве на охотничье оружие („С. У.“ 1919 г. № 21, ст. 256);
- 3) декрет СНК от 20 июля 1920 г. о сдаче советским учреждениям запасов огнестрельного охотничьего оружия и припасов („С. У.“ 1920 г. № 66, ст. 299);
- 4) декрет СНК от 12 июля 1920 г. о выдаче и хранении огнестрельного оружия и обращении с ним. („С. У.“ 1920 г., № 69, ст. 314).
- 5) декрет СНК от 16 мая 1921 г. о мерах выискания, налагаемых судебными органами за нарушения запрещения провоза пассажирами в качестве багажа и ручной клади при себе легко-воспламеняющихся и взрывчатых веществ („С. У.“ 1921 г., № 47, ст. 234).

- 6) декрет ВЦИК и СНК от 1 марта 1923 г. об охоте, в части, касающейся хранения и регистрации оружия („С. У.“ 1923 г. № 17, ст. 216).

(Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 23 февраля 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 53).

О предоставлении сельсоветам права объявлять трудгужповинность по борьбе с лесными пожарами и сроке оплаты граждан, привлеченных к тушению лесных пожаров.

Сельсоветам предоставлено право объявлять трудгужповинность для тушения лесных пожаров в местах, находящихся более чем в 10 верстах от губисполкома, уисполкома или волисполкома. Об объявлении трудгужповинности должен быть в тот-же день извещен губисполком.

Сроки уплаты вознаграждения гражданам, привлеченным к тушению лесных пожаров будут установлены специальной инструкцией (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 9 марта 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 63).

О распространении жетонов, флажков, портретов вождей и благотворительных марок.

Распространение жетонов, флажков, портретов вождей и благотворительных марок допускается только на добровольных началах. Для получения права на распространение госучреждения и общественные организации должны зарегистрировать разрешение Главлита или его органов в соответствующем органе НКВД, а частные лица — получить разрешение непосредственно от органов НКВД. (Постановление СНК РСФСР от 15 марта 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 70).

О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах.

7-летний опыт оставления б. помещиков на принадлежавшей им ранее земле в целях культурного ведения хозяйства успехом не увенчался и показал, что вместо культурного хозяйства б. помещики специализируются преимущественно на эксплуатации окружающего крестьянского населения и контр-революционной агитации. Учитывая эти моменты,

а также возмущение, которое они порождают в массах трудового крестьянства, ЦИК и СНК СССР настоящим постановлением окончательно ликвидировали последние остатки дворянско-помещичьего землевладения.

Безусловно лишаются права на землепользование и проживание в хозяйствах, принадлежавших им до декрета о земле (26 октября 1917 г.).—б. помещики из дворян и их семьи. Вопрос о применении этого правила на б. крупных землевладельцев не из дворян разрешается СНК автономных республик и республик ЗСФСР, президиумами губернских, областных и окружных исполкомов.

Право на землепользование и проживание в своих хозяйствах сохраняют за собой б. земельные собственники трудового или полутрудового типа, а также лица, активно борющиеся в рядах Кр. Армии и их ближайшие родственники и лица, имеющие особые заслуги, отмеченные постановлениями союзных или республиканских правительственных органов. Подлежащими выселению лицами могут быть вывезены предметы домашнего обихода, не являющиеся принадлежностью сельского хозяйства, предметы питания, урожай озимого посева 1924 г. и ярового посева 1925 г. Собственностью их признаются также постройки, сооружения, живой и мертвый инвентарь, приобретенные и воздвигнутые имина собственными средствами после передачи хозяйства в их пользование. Все остальное национализированное имущество должно быть ими сдано в целости. Лишаемые землепользования и права проживания в своих б. поместьях б. землевладельцы имеют право на получение трудового надела в губерниях, в коих они ранее не имели земельной собственности, по правилам, установленным для переселенцев.

Исполнение постановления должно быть закончено к 1 января 1926 г. Для проведения его в жизнь будут образованы специальные междуведомственные комиссии, в состав которых войдут представители прокуратуры, ГПУ и земорганов. (Постановление ЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 72).

Гражданское право.

Об авторском праве.

СНК РСФСР разъяснил, что до издания правительством РСФСР соответствующего законоположения на основе декрета ЦИК и СНК СССР от 30 января с. г., на территории РСФСР авторское право регулируется прежними нормами. (Постановление СНК РСФСР от 20 февраля 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 48).

Налоговая политика.

О взимании налогов с работников изобразительных искусств.

Работники изобразительных искусств, имеющие право состоять членами профсоюза и получающие работу при посредстве органов наркомтруда по договорам, визированным Сорабисом, в отношении обложения налогами приравниваются к работникам по найму. (Постановление СНК СССР от 9 марта 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 64).

Просвещение.

О состоянии высших учебных заведений.

Мероприятия, изложенные в данном постановлении, можно разделить на три группы:

- 1) штаты вузов;
- 2) прием в вузы;
- 3) производственная практика студентов.

В области штатов центральной штатной комиссии предписано закончить разработку индивидуальных штатов московских и ленинградских вузов, а также по двум из типичных вузов других городов—к 1 мая, а остальных вузов к 1-му июня с. г.

В отношении приема в вузы в текущем году установлено: установить для поступающих возраст не моложе 17 лет; принять во все вузы 18.000 чел.; распределить места в вузах таким образом, чтобы обеспечить широкий доступ рабочим и крестьянам. Последнюю меру осуществить в следующем порядке:

в первую очередь распределяются по вузам окончившие рабфаки; остальные места предоставляются профессиональным и партийным организациям для рабочих и крестьян с соблюдением интересов нацменьшинств и губотделам народного образования для окончивших средние учебные заведения.

Кроме того, известное количество мест закрепляется за крестьянами, демобилизованными и инвалидами РККА и Флота, которые, при условии достаточной подготовки, могут поступать в вузы без командировок, а также за детьми трудовой интеллигенции.

Вузы, подготовляющие специалистов для обслуживания деревни, должны в первую очередь укомплектовываться крестьянами.

Приемы в вузы сверх установленной твердой нормы категорически воспрещены.

Производственная практика студенчества признана необходимой, и в текущем году она должна проводиться минимально в пределах декрета СНК от 22 мая 1923 г. Всем хозорганам, учреждениям и предприятиям предложено оказывать проведение практики студентов всяческое содействие, а госорганам, состоящим на госбюджете, разрешено принимать практикантов сверх штата. (Постановление СНК РСФСР от 23 февраля 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 47).

Страхование.

О тарифе взносов на социальное страхование.

Для взносов на соцстрах установлен нормальный и временный льготный тариф. По нормальному тарифу все учреждения и предприятия разбиваются на 4 разряда в зависимости от степени опасности и вредности работы. Взносы составляют от 16% до 22%.

Классификацию по разрядам производит Союзный Совет соцстраха при НКТ СССР. Тот же Совет устанавливает списки предприятий, относимых к льготному тарифу, поскольку категории этих предприятий прямо не указаны в самом постановлении. Льготный тариф составляет от 10% до 14%. (Постановление ЦИК и СНК СССР от 26 февраля 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“, № 57)..

Таможенная политика.

О порядке привоза из заграницы и вывоза за границу товаров в местах, где нет таможенных учреждений.

Провоз товаров через государственную границу в местах, где нет таможи, разрешен под условием подачи заявления распорядителем грузов в ближайшую таможду или районному таможенному инспектору, с принятием на себя расходов по командированию на место провоза сотрудников таможи и пограничной охраны, а также весовых приборов. (Постановление СНК РСФСР от 18 февраля 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 49).

Труд.

О дворцах труда Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов и объединяемых ВЦСПС профсоюзных организаций на местах.

Помещения для дворцов труда отводятся в обособленных владениях и находятся в безвозмездном и неограниченном временем пользовании профорганизаций, на коих лежит лишь обязанность производства ремонта и содержания помещений в порядке. В случае ликвидации дворца труда и возвращения помещения по принадлежности, профорганизациям возмещаются произведенные ими полезные затраты на улучшение и расширение бывшего в их пользовании владения. (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 23 февраля 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“, № 51).

О раз'яснении ст. 3-й постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 2 января 1925 г. о порядке найма рабочей силы.

Согласно ст. 3-й указанного постановления НКТ СССР предоставлено право предписывать в отдельных случаях производить наем некоторых категорий рабочих и служащих из определенных групп безработных. В настоящее время раз'яснено, что под выражением „определенные группы“ безработных надлежит понимать исключительно демобилизованных. (Постановление СНК СССР от 24 февраля 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“, № 58).

Уголовное право.

Об амнистии карельским беженцам.

ЦИК Карельской АССР предоставлено сроком по 1 января 1926 г. право персональной амнистии карельским беженцам, находящимся в Финляндии и не успевшим воспользоваться до 1 мая 1924 г. амнистией Президиума ВЦИК от 30 апреля и 24 декабря 1923 г. (Постановление Президиума ВЦИК от 16 марта 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“, № 63).

Об амнистии.

III сессией ЦИК СССР, заседавшей в Тифлисе, дарована амнистия, которая распространяется только на лиц, осужденных судебными органами Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, а также оштрафованных в административном порядке административными органами ЗСФСР. Амнистируются следующие категории:

- 1) крестьяне, осужденные за неплатеж сельскохозяйственного налога, амнистируются полностью, со сложением не взысканных штрафов и с отменой не приведенной в исполнение конфискации имущества;
- 2) с кустарей, оштрафованных за неплатеж государственных и местных сборов, не взысканные штрафы слагаются;
- 3) осужденные или привлеченные к следствию и дознанию за совершение контрреволюционных преступлений амнистируются вплоть до полного освобождения от дальнейшего заключения; амнистия не распространяется на лиц, пребывание коих на свободе угрожает революционному правопорядку;
- 4) амнистируются полностью осужденные за преступления, совершенные по религиозным мотивам;
- 5) осужденным за прочие преступления рабочим, крестьянам, красноармейцам и военным служащим срок наказания сокращается наполовину. (Постановление ЦИК СССР от 7 марта 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 68).

Уголовный процесс.

Об учреждении комиссии для надзора за постановлениями губернских (областных) распределительных комиссий в области применения ими досрочного освобождения и сокращения срока отбываемого наказания.

Надзор за применением губраспредкомиссиями досрочного освобождения и сокращения срока наказания возложен на специальную Комиссию в составе представителя НК РКИ (председатель), начальника главного управления местами заключения и пом. прокурора республики. (Постановление ВЦИК и СНК СССР от 16 февраля 1925 г. „Изв. ЦИК СССР и ВЦИК“ № 49).

Об изменении ст. 158 Уголовно-Процессуального Кодекса.

Заключение под стражу, как мера пресечения, может быть отныне применено к подсудственному только в том случае, если он привлекается к уголовной ответственности за совершение преступления, караемого лишением свободы на срок не ниже 6-ти мес. и, кроме того, при наличии опасений, что он скроется от следствия и суда, или помешает ходу следствия, или если он совершил особо тяжкое преступление (ст.ст. 58—67, 69, 72 ч. I и II, 75, 76, 85, 86 ч. I, 97 ч. II, 142, 167, 180 п. в, 183 ч. II, 184, 197, 213 и 214 УК) и не может быть оставлен на свободе, как лицо социально опасное. (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 23 февраля 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 51).

Финансы.

О дополнении декрета СНК РСФСР от 30 июня 1921 г.

Указанный декрет СНК („Собран. Узакон.“ 1921 г. № 52 ст. 301) дополнен ст.ст. 4-а, 4-б и 4-в, согласно коим кредитные учреждения могут давать справки о состоянии текущих счетов, вкладах, переводах и прочих банковских операциях их клиентов, только непосредственно самому клиенту или судебным и следственным органам при условии точного соблюдения установленного ГПК и УПК порядка. (Постановление СНК РСФСР от 25 февраля 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 51).

О штрафных ставках за самовольные порубки леса.

Для упрощения производства в случаях, предусмотренных I ч. ст. 99 УК, вместо предъявления иска лесными органами к виновным, предложено волисполкомам из взысканного в

порядке указанной статьи штрафа, приходить сумму, равную причиненному лесному хозяйству убытку, по доходной смете НКЗ. (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 февраля 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 52).

Хозяйственное управление.

Положение об управлении курортами РСФСР общегосударственного значения.

Управление курортами РСФСР общегосударственного значения производится под общим руководством Наркомздрава, причем медицинское и хозяйственно-административное управление возлагается на учреждаемое при Наркомздраве главное курортное управление. Последнее состоит на хозрасчете и отвечает, как и его местные органы, по обязательствам всем своим имуществом, не изъятым из гражданского оборота. Государство же по обязательствам главкурупра и его органов ответственности не несет. (Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 16 февраля 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 50).

О мероприятиях по укреплению экономического положения Советских хозяйств.

НКЗему РСФСР предложено провести целый ряд мероприятий для укрепления экономического положения Совхозов. Главнейшие из них:

- 1) разбивка Совхозов на агрикультурно-производственные, арендно-приписные, учебные и опытно-показательные;
- 2) приостановка ликвидации Совхозов;
- 3) проведение полного землеустройства;
- 4) улучшение племенного животноводства;
- 5) организация краткосрочных курсов по механизации сельскохозяйственного производства и т. п. (Постановление СНК РСФСР от 6 марта 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 66).

Назначения.

Тов. Ипп, В. Л. назначен полпредом СССР в Японии, с освобождением от обязанностей члена Коллегии НКИД. (Постановление Президиума ЦИК СССР от 9 марта 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 67).

Тов. Аралов утвержден членом коллегии НКИД. (Постановление СНК СССР от 17 марта 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“ № 70).

Тов. Ворошилов, К. Е. утвержден уполномоченным РВС СССР при СНК РСФСР. (Постановление СНК СССР от 17 марта 1925 г. „Известия ЦИК СССР и ВЦИК“, № 70).

Поправка. В „Законодательной хронике“ на стр. 510 (№ 11—12), 25 строка снизу, вкралась опечатка: вместо напечатанного: „квартирных“ следует читать: „квартирных“.

ЖИЛИЩНОЕ ДЕЛО.

1) Декреты, обязательные постановления, инструкции и т. д., касающиеся вопросов жилищного права; 2) статьи, заметки, комментарии и т. д. по вопросам, возникающим при применении жилищных законов; 3) практика Народного Суда по жилищным делам; 4) разъяснения и ответы на запросы подписчиков.

Редакция предлагает подписчикам сообщать *письменно* в „Рабочий Суд“: в Редакцию — Фонтанка 16. Губсуд, комн. 14—или в Контору „Рабочего Суда“ (Проспект 25 Октября, 54) о возникающих у них сомнениях при применении жилищных законов в жизни. На каждый запрос дается ответ, причем ответы, имеющие принципиальный характер, помещаются в этом отделе журнала. Кроме того, *открыта консультация* — выдача устных и письменных справок по жилищным вопросам в Конторе „Рабочего Суда“ (Проспект 25-го Октября, 54) в следующие часы: от 5 до 6 час. веч. по понедельникам, средам и пятницам и от 12 до 1 ч. дня по вторникам, четвергам и субботам.

О бесхозной мебели.

До сих пор еще так называемые „мебельные дела“ не потеряли своей остроты. Сплошь и рядом нашим Судам приходится решать вопрос: имеется ли в деле бесхоз или спорное имущество должно быть признано частною собственностью?

Задачей настоящей статьи является разобратся в этом материале и выяснить—какие законоположения могут в настоящее время иметь применение к делам о бесхозе и какие должны быть признаны потерявшими силу.

Статья 3 вводного к Гр. Код. закона предписывает руководствоваться теми законами, которые действовали в момент возникновения правоотношения. В силу этого в делах о бесхозе, за редким исключением, спорящие стороны ссылаются на декреты и обязательные постановления, изданные в первые годы революции, так как возникновение бесхоза обычно относится к 1917-1919 годам, годам гражданской войны и голода, когда Ленинград покинули целые группы населения.

Поэтому для выяснения вопроса о том, какими нормами в настоящее время должны регулироваться дела о бесхозе, необходимо хотя бы в кратких чертах ознакомиться с соответствующим законодательством 1918-1920 годов.

„Бесхоз“, как имущество, не находящееся в ничьем обладании, впервые упоминается в декрете 3/XI 1920 г. „О бесхозном имуществе“ (собр. узак. 1920 г. № 87 ст. 442). До издания этого декрета „бесхоза“, как такового, не существовало. Конфисковалось имущество не потому, что владелец его не известен или он выбыл неизвестно куда, а только потому, что с точки зрения тогдашнего местного за-

конодательства выезд из Ленинграда был явлением нежелательным, трактовался, как бегство. Потому выезд, хотя бы и легальный (отпуск, командировка, переезд на службу в другой город, если он продолжался дольше определенного срока и не сопровождался соблюдением определенных формальностей, влек за собою конфискацию имущества.

Такого рода конфискация применялась на основании обязательных постановлений Ленинградской власти (об. пост. Центр. Исполн. Коллег. по жилищн. делам при Петроградском Совдепе 16/X 1918 г.—„Северная Коммуна“ № 140 от 26/X 1918 г.; об. пост. Центрального Жилищного Отдела Совкомхоза 26/VI 1919 г. „Известия Петрогр. Сов. раб. и красноарм. депутатов“ № 141/384—1919 г.; об. пост. Чрезвычайной Комиссии по обследованию забронированных квартир—„Известия“ того же Совета от 29/IX 1919 г. № 220/413; об. пост. Петросовета 3/XI 1920 года—„Известия“ того же Совета № 251/743—1920 г.), по которым выезжающий из Ленинграда дольше, чем на 2 месяца, обязан был получить на оставленное им в Ленинграде имущество охранное свидетельство (и при том из точно указанных в обя. пост. государственных учреждений) сначала—Центральной Исполнительной Коллегии по жилищным делам, затем Чрезвычайной Комиссии по забронированию квартир и, наконец, с 9/XI-20 г. Отдела Управления Петрогубисполкома.

В противном случае имущество подлежало конфискации, хотя бы собственник его был известен и было бы известно его местопребывание.

Одновременно с этим местной властью была запрещена свободная купля-продажа мебели (пост. Центр. Коллегии по жилищным

делам, утвержденное Президиумом Петросовета 2/X—18 г.—„Северная Ком.“ № 119-1918 г.), а затем вся мебель в квартире была обезличена, т. е. изъята из собственности частных владельцев и признана принадлежностью квартира (пост. Презид. Петросовета 10/X—20 г.)

Поэтому все сделки по продаже обстановок, произведенные уехавшими из Ленинграда гражданами в период времени с 2/X 1918 года по 16/IV 1921 г. (когда было отменено постановление об обезличивании мебели—„Вестник Петросовета“ 13/VIII 1921 г. № 31) должны были признаваться недействительными, и в случае отсутствия собственников (продавцев) из Ленинграда более, чем на 2 месяца, проданная мебель должна была подлежать конфискации.

Со второй половины 1920 года, почти одновременно с изданием декрета „о бесхозяйном имуществе“, Центральная Власть начинает регулировать действия местных властей в области конфискаций; 16-IV-1920-го года издается декрет о реквизициях и конфискациях (Собр. Узакон. 1920 г. № 29 ст. 143), который точно устанавливает, в каких случаях и какое имущество может подлежать конфискации.

Ст. 6 этого декрета категорически запрещает конфискацию предметов домашнего обихода, причем дает точное определение таких вещей, отнеся к ним мебель, посуду, белье и проч., а ст. 12 этого декрета разъясняет, что все прежние декреты и постановления как центральных, так и местных властей о реквизициях и конфискациях, противоречащие этому декрету, отменяются и теряют силу.

Далее в декрете „о порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ“ (Собр. Узак. 1921 г. № 70 ст. 564), заменившем собой декрет от 16/IV-20 года и действующем по настоящее время, указывается, что конфискация имущества без судебного приговора, не в виде наказания за уголовные правонарушения, может применяться только в случаях, указанных в этом декрете.

Выезд из пределов города и оставление имущества без уведомления с том Правительственной власти не упомянуты в этом декрете, как поводы для конфискации (ст. 10 и 15 декрета).

Поэтому надлежит признать, что с момента издания декрета от 16/IV-20 года все перечисленные выше обяз. пост. местной власти о конфискации предметов домашнего обихода должны почитаться отмененными и потерявшими силу.

Положение это—бесспорно; менее категоричным на первый взгляд является вопрос: применимы ли перечисленные выше обяз. пост. к таким случаям, когда нарушение этих постановлений произошло до издания декрета 16/IV-20 г., но имущество своевременно не было конфисковано и дело о бесхозе разбирается только в настоящее время?

На первый взгляд, ссылка на ст. 3 вводного закона как-бы решает этот вопрос в положительном смысле. В действительности это не так.

Советское законодательство не знает декларативной формы конфискации, а определяет ее, как фактическое отчуждение имущества (цирк. Наркомюста от 25 ноября 1921 г. № 65). Поэтому нельзя считать, что с момента опубликования перечисленных выше об. пост. местной власти все имущества, подлежащие конфискации, но не отчужденные от владельцев, были конфискованы; для конфискации их в каждом отдельном случае необходимо был факт отчуждения; пока имущество не отчуждено, оно не конфисковано. Конфискация есть определенное исполнительное действие, и, как таковое, она—норма не материального, а процессуального права. Следовательно она регулируется теми законами, которые действуют в момент ее осуществления. Поэтому поставленный выше вопрос должен быть разрешен отрицательно, а именно в том смысле, что к делам, разбирающимся после издания декрета 16/IV-20 года, обяз. пост. местной власти о конфискации предметов домашнего обихода применения иметь не могут, хотя бы возможность конфискации и открылась до 16/IV-20 года.

Если же стать на противоположную точку зрения и признать, что решающее значение имеет момент возникновения права на конфискацию и что такое право уже не может быть уничтожено изданным впоследствии декретом, то тогда к делам подобного рода неизбежно нужно применять законы о давности (ст. 7 вводного к Гр. Код. закона), и так как все эти дела возникли до 16/IV-20 года, то, следовательно, претензии государства должны по ним считаться погашенными, ибо Гражд. Код. нигде не освобождает государственные учреждения от действия давностного срока.

Подводя итог всему, что было сказано выше, получаем следующий вывод: при разборе мебельных споров никакие обяз. пост. местной Ленинградской власти о конфискации предметов домашнего обихода, оставленных уехавшими из Ленинграда владельцами, в настоящее время не могут иметь применения.

Следовательно такие споры должны разрешаться ныне только на основании нижеследующих законоположений:

1) декрет „о конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени“ (Собр. Узак. 1921 г. № 18 ст. II п. д приложения 4 к ст. ст. 69 и 70 Гр. Код.);

2) Декрет „о конфискации и реквизициях имущества частных лиц в местностях, освобожденных от неприятеля“ (Собр. Узак. 1921 г. № 21 ст. 184—п. г. приложен. 4 к ст. 69 и 70 Гр. Код.);

3) Декрет „о бесхозном имуществе“ 3 ноября 1920 года (Собр. Узак. 1920 г. № 87 ст. 442);

4) Ст. 68 Гражд. Код. и

5) примечание 1 к ст. 59 Гражд. Код.

Применение к мебельным спорам указанных 2-х декретов о конфискации не может вызвать никаких споров или разногласий. В ином положении находится декрет от 3 ноября 1920 г. Здесь может возникнуть вопрос: применим ли он к тем делам, в которых основание для бесхоза возникло после введения в действие Гражданского Кодекса.

С одной стороны, декрет этот не приложен в качестве приложения к официальному изданию Гражд. Код., а с другой стороны, нигде в Кодексе нет указания на его отмену, как это, напр., сделано по отношению к декрету 16 марта 1922 г. „об истребовании предметов домашнего обихода бывшими собственниками от их фактических владельцев“ (прим. 2-е к ст. 59 Гражд. Код.).

Вследствие этого для разрешения поставленного вопроса необходимо обратиться к параллельному анализу этого декрета и 68 ст. Гражд. Код.

Ст. 68³ определяет бесхоз—как имущество, собственник коего неизвестен. Пункт 3*) ст. 1 декрета 3 ноября называет бесхозом—имущество, фактически оставленное его владельцем, пребывающим в безвестном отсутствии, а также имущество, владеlec коего неизвестен и не может быть установлен.

Из сопоставления этих статей видно, что ст. 68 Гражданского Кодекса дает более узкое в сравнении с декретом определение бесхоза; она совершенно исключает признак—безвестного отсутствия.

Одновременное существование двух юридических норм, дающих различное определение одного и того же юридического понятия,—едва ли допустимо, ибо существование одной из них являлось бы совершенно бесцельным.

Если бы законодатель, издавая Гражд. Код., хотел сохранить действие декрета 3 ноября, то он, не давая в ст. 68 определения бесхоза, сделал бы простую ссылку на декрет, как это имеет место по отношению к конфискации (ст. 70 Гражд. Код.).

Независимо от этого, безвестное отсутствие владельца не может служить основанием для объявления имущества бесхозным еще и потому, что имущество такого владельца рассматривается Гражд. Кодексом, как собственность последнего. Так, ст. 5 приложения 1-го к ст. 12 Гражд. Код. („извлечение из декрета Сов. Нар. Ком. о праве получения содержания из имущества лиц, объявленных отсутствующими, и о судебном признании пропавших умершими“) предоставляет лицам, имеющим право на со-

*) Остальные пункты ст. 1 (а—ж) имеют в виду специальные виды бесхоза (невыстребованные грузы и пр.) и потому для разрешения данного вопроса они являются безразличными.

держание из имущества отсутствующего, а также и его кредиторам, возбуждать ходатайство о признании их должников безвестно отсутствующими, а затем и умершими (ст. 19 прил.).

По признании лица умершим, права на его имущество переходят к его наследникам (ст. 416 Гражд. Код.), с обязательством последних удовлетворить кредиторов лица, признанного умершим (ст. 434 Гражд. Код.). Отсюда ясно, что имущество безвестно отсутствующего по Гражд. Кодексу не может быть признано бесхозным и должно рассматриваться, как принадлежащее ему последнему. Это положение проводится Гражд. Кодексом настолько определенно, что ст. 26 прил. предоставляет право лицу, объявленному умершим и затем явившемуся, потребовать обратно все оставшееся к тому времени имущество.

Наличие в декрете 3 ноября ст. 10, также допускающей возврат объявленного бесхозом имущества явившемуся владельцу, несколько не колеблет приведенного выше положения.

В то время, как Гражд. Код. допускает возврат только оставшегося имущества, декрет говорит не только о возврате имущества, но и о возможности денежной компенсации (возмещения). Из этого нужно заключить, что имущество, объявленное бесхозом, с момента объявления его таковым, поступает в полное распоряжение и собственность государства, которое вправе использовать его и обязано только возместить все происшедшие от этого убытки.

Ст. 26 прилож., как указано выше, допускает возврат только имущества, оставшегося за удовлетворением кредиторов безвестно отсутствующего и лиц, имеющих право на содержание от него, вследствие чего, в соответствии со ст. 16 прилож., нужно признать, что при безвестном отсутствии право на имущество сохраняется за бывшим фактическим владельцем, на государстве же лежит только обязанность охраны покинутого имущества в интересах отсутствующего и его кредиторов (ст. 5 прилож.).

Из всего вышесказанного явствует, что с момента введения в действие Гражд. Код.—декрет „о бесхозном имуществе“ должен считаться потерявшим силу.

Резюмируя все изложенное в настоящей статье, получим следующие положения:

При рассмотрении дел о бесхозе—

1) все обяз. пост. Ленинградской местной власти о конфискации предметов домашнего обихода не могут иметь применения, как отмененные декретом 16 апреля 1920 года*).

*) К числу отмененных должна быть отнесена Инструкция Наркомюста от 26 июня 1922 г. (не опубликованная) о порядке объявления бесхозным имущества, принадлежащего иностранцам, так как появление ее было вызвано опубликованием декрета от 16 марта 1922 г. ныне Гражданским Кодексом отмененного (прим. 2 ст. 59),

2) Декрет 3 ноября 1920 года „о бесхозяйном имуществе“ может служить основанием для разрешения тех дел, в которых право государства на бесхозное имущество возникло до момента введения в действие Гражд. Код. (1 января 1923 года) и

3) к делам, в которых бесхоз возник после введения в действие Гражд. Код., может иметь применение только 68 ст. Гражд. Кодекса и примеч. 1 к ст. 59 того же Кодекса.

О расторжении договоров с жилтовариществами на дома.

НКЮ и НКВД разослан всем Губсудам и коммунальным отделам циркуляр „о предъявлении и удовлетворении исков о нарушении договоров, заключенных жил. товариществами на пользование домами“ (циркуляр НКЮ № 63 и НКВД № 149 „В. Л. С.“ № 25 1925 г.).

Циркуляр этот указывает, что в практике губ. коммунальных отделов и Судов наблюдаются случаи предъявления и удовлетворения исков о нарушении договоров, заключенных с жилищными товариществами, на пользование предоставленными им муниципализированными домами по различным незначительным поводам и несущественным нарушениям, обременяемым временными затруднениями жил. товариществ или даже вследствие просьбы каких-либо госорганов или учреждений о передаче им данного владения, законно предоставленного в пользование жил. товарищества.

Для сохранения и рациональной эксплуатации существующей жилищной площади совершенно необходимо максимально обеспечить устойчивость использования прав, предоставленных в соответствии с законом; в особенности это необходимо в отношении ко всем видам жилищной кооперации, развитию которой придается большое значение.

По этим основаниям НКЮ и НКВД предлагают принять к руководству, что договоры аренды строений, застройки, достройки и т. д., заключаемые с жилищными товариществами всех видов, могут быть расторгнуты только при наиболее существенных нарушениях условий, делающих невозможным использование строения в соответствии с договором, а также в случае противозаконности или явного ущерба для государства, всякие другие причины, лежащие вне этого договора, как затруднительность размещения учреждений, удобство различных госорганов и пр., независимые от воли и действия участников договора, а также временные упущения жил. товариществ, могущие быть исправленными другими мерами, не должны служить основанием для расторжения надлежащим порядком заключенного и фактически осуществляемого договора с жилищным товариществом или иным кооперативом.

Поэтому предлагается губкомунотделам возбуждать иски подобного рода лишь в случаях невозможности исправить нарушения договора иным путем, а Губсудам удовлетворять их с наибольшей осмотрительностью. При разборе дел подобного рода рекомендуется уведомлять в порядке 172 ст. ГПК соответствующий союз жилищных кооперативов и Прокуратуру.

О строениях, занятых лечебными учреждениями.

Согласно постановлению ВЦИК и СНК РСФСР (Изв. № 82 от 19 апр. с. г.) все строения, специально приспособленные под лечебно-санитарные учреждения и в настоящее время используемые под таковые, не могут быть изъяты из органов здравоохранения без согласия Нар. Ком. Здравоохранения РСФСР. Все строения, земельные участки и имущество, занимавшиеся до Октябрьской революции какими-либо лечебными учреждениями и специально приспособленные для этой цели, но не используемые в настоящее время по прямому назначению, подлежат по требованию Наркомздрава РСФСР передаче в ведение органов здравоохранения под лечебные учреждения и обслуживающий их персонал.

О жилищных делах научных работников.

В целях наибольшего обеспечения охраны жилищных прав научных работников и установления возможности нормальной и планомерной работы их, НКЮ предлагает всем Судам принять меры к тому, чтобы Суды при разрешении дел научных работников неуклонно руководствовались постановлением ВЦИК и СНК от 31 июля 1924 г. „о мерах к улучшению жилищных условий научных работников“ (циркуляр НКЮ № 60—1925 г. „ЕСЮ“ № II—25 г.).

В частности, НКЮ предлагает при разрешении указанных дел в Судах соблюдать следующее:

При рассмотрении дел, связанных со спором о праве научного работника на жилую площадь, обязательно привлекать в качестве третьего лица ЦЕКУБУ или секцию научных работников, независимо от согласия или несогласия научного работника на привлечение их.

При отсутствии у научного работника дополнительной площади и наличия возможности предоставления ее из освободившейся в квартире, в которой проживает данный научный работник, Суды обязаны по ходатайству ЦЕКУБУ или секции научных работников предоставить таковую независимо от наличия нуждающихся в жилой площади жильцов дома.

О выселении в административном порядке.

ВЦИК и СНК РСФСР опубликовано (Изв. № 51—25 г.) постановление о дополнении пункта 2 постановления Президиума ВЦИК от 21 августа 1924 г. „Об изменении декрета от 9 января 1924 г. в части, касающейся административного выселения граждан“ (Собр. узак. 1924 г. № 73 ст. 715).

Согласно этому постановлению текст п. 2 декрета от 21 августа 1924 г. изложен в следующем виде:

„Приостановить выселение в административном порядке из прикрепленных к учреждениям домов за исключением: а) домов, прикрепленных к фабрикам, заводам, железным дорогам и воинским учреждениям; б) домов, помещений и общежитий, предназначенных для проживания административного персонала и надзора мест заключения, подведомственных Главному Управлению Местами Заключения и закрепленных за ними и в) специальных корпусов школьных и лечебных учреждений—с обязательным предоставлением высялемым в соответствии с декретом ВЦИК от 9 января 1924 г. транспортных средств и жилой площади“.

О сохранении помещений за командиремыми.

Согласно изданному НКВД циркуляру № 152—1925 г. (Бюл. НКВД № 11) сотрудники Высшего Геодезического Управления ВСНХ СССР имеют право на сохранение за ними занимаемой ими жилой площади в пределах сезона производства геодезических работ, т. е. с 1 апреля по 1 ноября. С особого разрешения начальника Геодезического Управления срок этот может быть продлен до 1 января.

Отмена обязанности домоуправлений выплачивать подрядчикам часть платежей облигациями займа.

До 1 марта сего года домоуправления при расчетах с подрядчиками и поставщиками обязаны были в силу декрета ВЦИК и СНК СССР от 16 апреля 1924 г. „о размещении облигаций 2-го гос. выигр. займа в обязательном порядке“—уплачивать 15% каждого платежа облигациями займа.

В настоящее время это обязательство домоуправлений отменено с выходом постановления СНК СССР „о прекращении принудительного распределения выигр. займа“ (Изв. № 45—25 г.).

Раз'яснение ГУКХ о праве снятия электрических проводов при оставлении квартиры.

Согласно примечанию к ст. 179 Гр. Код. улучшения, произведенные арендатором муниципализированного строения, по прекращении найма безвозмездно переходят к местному Совету.

Это правило надлежит применять и по отношению к нанимателям отдельных помещений. Поэтому при оставлении с'емщиками квартир, последние имеют право получить компенсацию или забрать с собой лишь те предметы электропроводки и арматуры, которые не относятся к оборудованию помещений, а являются предметами домашнего обихода, например, лампы, нагревательные приборы, люстры и т. п. Сама проводка, выключатели, предохранители, электрические вентиляторы и т. п. относятся к оборудованию квартиры, а потому сняты быть не могут и компенсация за них нанимателю не выплачивается. („Ком. Хов.“ № 7—25 г.).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ.

Непринятые рукописи не возвращаются.

Налоги, пошлины и сборы.

Крестьянские общества взаимопомощи и льготы им по налогам.

1. В силу ст. 6 Постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 25 сентября 1924 года крестьянские общества взаимопомощи освобождаются от уплаты гербового сбора в своей деятельности, направленной на обслуживание потребностей членов общества. В части деятельности по обслуживанию не членов общества—гербовый сбор должен уплачиваться на общем основании.

Акты и документы, совершаемые Комитетом взаимопомощи, при осуществлении установленных Положением об обществах взаимопомощи целей, с частными лицами и предприятиями, не свободными от гербового сбора должны оплачиваться герб. сбором за счет последних, причем ответственность за неплату лежит как на обществах взаимопомощи, так и на частных лицах.

2. Согласно циркуляру Наркомфина Союза ССР от 30 марта 1925 г. за № 588 (ВФ № 54 за 1925 г.), артели, организуемые крестьянскими Комитетами взаимопомощи из своих членов для исполнения тех или иных работ без применения наемной рабочей силы, без принятия подрядов на производство работ из материалов артели, а также без содержания контор для приема заказов и иных торговых и промышленных заведений—освобождаются от обложения промысловым налогом.

3. Все эксплуатируемые крестьянскими обществами взаимопомощи подсобные сельскохозяйственные предприятия (в том числе и мельницы) подлежат освобождению от промналога, независимо от размера их оборотов, поскольку они обслуживают исключительно потребности своих членов. Если же упомянутые предприятия обслуживают частично и нечленов общества, то каждое такое предприятие имеет право пользоваться льготами, установленными для кооперативных организаций декретом от 7 декабря 1923 г. (разъяснение Упрналога от 1 апреля 1925 г., Финан. Газ. 15 апреля 1925 г.).

Льготное обложение деревенских ремесленников и кустарей.

Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 10 апреля 1925 г. („Известия ЦИК“ № 86, „Вестн. Лен. Сов.“ № 31—32 за 1925 г.) установлен новый порядок обложения промналогом и подоходным налогом деревенских ремесленников и кустарей.

В силу указанного Постановления главное значение для обложения получает пользование в большей или меньшей степени наемным трудом, и, в отличие от прежних правил обложения сельских кустарей, не учитывается

наличие специального оборудования и применение механического двигателя.

От промыслового налога освобождаются все ремесленники и кустари, проживающие и работающие в сельских местностях, если они производят свой промысел единолично или с помощью членов своей семьи, принадлежащих к одному двору, хотя бы работа производилась в специально оборудованном заведении и с применением механического двигателя. Эта льгота распространяется и на те случаи, когда по самому характеру производства необходимо участие, кроме хозяина, не менее одного рабочего наемного (например, кузнечный промысел); список таких промыслов и ремесел составляется НКФ Союза ССР по соглашению с Высшим Советом Народного Хозяйства.

За исключением указанных промыслов и ремесел пользование трудом одного наемного рабочего влечет за собой, независимо от наличия специально оборудованных заведений и применения механического двигателя, выборку патента 1 разр. на личные промысловые занятия.

При наличии учеников-подростков первые два ученика в расчет обложения не принимаются; каждые два ученика сверх первых двух приравниваются к одному наемному рабочему.

Кроме льгот в области самого производства ремесла и промысла, от промыслового налога освобождается торговля изделиями собственного производства, производимая указанными выше кустарами, а также кустарно-промысловыми кооперативными артелями, в каких-бы формах торговля ни производилась: из своего дома, мастерской, с рук, с лотков, на ярмарках, базарах и др. местах как в сельских, так и в городских поселениях. Эта льгота не дается лишь в тех случаях, когда торговля производится из специально устроенного торгового заведения.

Что касается подоходного налога, то от него освобождаются подлежащие обложению сельско-хозяйственным налогом ремесленники и кустари, вовсе не пользующиеся трудом наемных рабочих, а также те из пользующихся трудом одного наемного рабочего, которые занимаются промыслами и ремеслами, как подсобными занятиями к сельскому хозяйству.

От промыслового и подоходного налога освобождаются также находящиеся в сельских местностях промысловые кооперативные товарищества (артели), если членами их являются кустари и ремесленники, освобождаемые от промналога.

Изложенное в существенных чертах Постановлением от 10 апреля вступило в силу с 1 апреля 1925 г.

Гербовый сбор в практике Судов.

В виду нередко возникающих в практике судебных учреждений затруднений по вопросам об оплате гербовым сбором тех или иных документов, принимаемых и выдаваемых по судебным делам, ниже приводится список наиболее часто встречающихся в практике Судов вопросов по гербовому обложению. Означенный список будет пополняться по мере потребностей практики и по запросам читателей.

1. Прилагаемые к делу, в качестве доказательств, копии протоколов общих собраний жилищно-товарищеских, расценки квартирной платы и всякие удостоверения правлений жилищно-товарищеских не подлежат оплате гербовым сбором, так как приложения, как таковые, гербовым сбором не облагаются (§ 16 Перечня изъятий), сами же по себе упомянутые копии и удостоверения, выдаваемые правлениями домов, не относятся к документам, выдаваемым государственными учреждениями, и гербовому сбору не подлежат.

2. Доверенности, засвидетельствованные Волисполномами и выдаваемые от имени трудовых землепользователей на право выступления в Суде по гражданскому делу (ст. 17 ГПК), подлежат оплате гербовым сбором II разр. в сумме 1 руб.

3. Заявления об ускорении дела по исковым заявлениям, поданным ранее, оплачиваются, как самые заявления (Подр. Переч. № 114, пункт 96).

4. Заявления в Суд о состоявшихся по гражданским делам мировых соглашения оплачиваются простым герб. сбором II разр. в сумме 1 руб. (Подр. Пер. № 114, пункт 31, табель § 1).

5. Заявления, при которых представляются гербовые марки или квитанции во взносе гербового сбора—изъяти от гербового сбора (Ст. 1 Уст. о герб. сб., Подр. Пер. № 114, п. 40).

6. Заявления о взносе в кассу НКФ сумм в депозит Суда и требования о возврате этих сумм из кассы—от гербового сбора свободны (п.п. 41 и 80 № 114 Подр. Переч.), как и квитанции Финотдела о приеме депозитов.

Что же касается заявлений в Нарсуд с приложением квитанций Финотдела и с указанием причины невозможности непосредственного исполнения обязательства (ст. 205 ГПК) то такие заявления, как и выдаваемая копия постановления о выдаче депозита, должны оплачиваться гербовым сбором на общем основании.

7. Квитанции в приеме от частных лиц заявлений или других документов, выдаваемые по желанию этих лиц, оплачиваются простым гербовым сбором IV разр. в 6 коп. (п. 1 № 60 одр. Переч.).

8. Заявления истцов в Суд об оставлении без движения ранее поданного обращения и о пре-

крашении дела—от гербового сбора свободны (Разъяснение Госналога от 29 августа 1924 г. Вест. Фин. № 9 (99) за 1924 г.).

Льгота по гербовому сбору издательствам.

21 марта 1925 года последовало постановление НКФ нижеследующего содержания:

„На основании § 79 Перечня изъятий по гербовому сбору, Наркомфин СССР постановляет: освободить от гербового сбора издательства и их книжную торговлю, принадлежащие организациям: государственным, профессиональным, кооперативным, Коммунистической Партии и Коммунистическому Союзу Молодежи.

Изложенное постановление вызвано было тем обстоятельством, что до января 1925 г. упомянутые выше издательства и их книжная торговля освобождались от гербового сбора в силу существовавшего правила об освобождении от гербового сбора госпредприятий, свободных от промналога. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 16 января 1925 г. указанная гербовая льгота для госпредприятий, свободных от промналога, была отменена, и гербовой льготой стали пользоваться лишь госпредприятия, которые содержатся на государственные и местные средства в сметном порядке. Так как издательства обычно находятся на хозрасчете, то для освобождения их от гербового сбора потребовалось издание специального постановления.

Предоставленная издательствам и их книжной торговле льгота по гербовому сбору не освобождает их от ответственности за нарушение правил оплаты гербовым сбором бумаг, актов и документов по гражданско-правовым сделкам, совершаемым ими с частными лицами, предприятиями и организациями, от гербового сбора не свободными (ст. 14 пункт „б“ и ст. 16 Устава о гос. герб. сборе). Поэтому счета, выдаваемые освобожденными от гербового сбора издательствами другим издательствам, частным лицам и предприятиям, не свободным от гербового сбора, должны выпускаться с гербовыми марками, погашаемыми выданными счет издательствами (гербовые марки погашаются на счетах стороной, выдавшей счет), при этом, однако, самая оплата гербового сбора должна производиться за счет стороны, от гербового сбора не свободной. Если счет выдается госучреждению или предприятию, свободным от гербового сбора, то такой счет не подлежит вовсе оплате гербовым сбором.

Состоящая при этих издательствах книжная торговля от гербового сбора свободна.

Что же касается других предприятий коммерческого характера (как напр., типография), то поскольку эти предприятия обслуживают не только свои издательства, но и третьих лиц, они обязаны уплачивать гербовый сбор на общем основании.

Освобождение от гербового сбора квитанций рыночных комитетов.

Квитанции, выдаваемые комитетом рыночных торговцев в получении им денег от торговцев на содержание рабочих и служащих комитета, свободны от оплаты гербсбором на основании ст. 1 Устава о герб. сборе, так как платежи торговцев производятся в осуществление их обязанностей, установленных статьей 3 положения о комитетах рыночных торговцев. (Пост. СНК от 31 янв. 1923 г.), (Раз'яснение Упрналога, Фин. Газ. № 88 за 1925 г.).

Освобождение квитанций лесничих от гербового сбора.

Согласно раз'яснению Упрналога от 1-го апреля 1925 г. (Фин. Газ. № 88 за 1925 г.), лесничие, выдавая квитанции в приеме денежных взносов за лесоматериалы, за аренду полян и т. п., действуют, как кассы специальных сборщиков, и являюся поэтому органами административными, принимающими доходы неналогового характера. При этом лесничие обязаны выдавать квитанции независимо от желания плательщиков. По этим соображениям квитанции, выдаваемые лесничими, следует признать свободными от гербового сбора по лит. „б“ п. 1 № 60.

Раз'яснения на запросы читателей.

1) Коллективы безработных, состоящие в ведении комитетов Биржи Труда, приравниваются в отношении уплаты налогов (за исключением промыслового и подоходного) к госорганам, состоящим на госбюджете (пункт „в“ ст. 11 Постановл. ВЦИК и СНК РСФСР от 22 декабря 1924 г.). Поэтому названные коллективы на время нахождения их в ведении Биржи Труда должны освобождаться от гербового сбора.

2) Заявления по претензиям о возврате вкладов, внесенных в бывшие сберег. кассы и Народные Банки, в настоящее время освобождаются от гербового сбора, как и ответы на эти заявления в силу последовавшего 31 марта 1925 г. постановления НКФ Союза ССР.

Из практики обложения рабочих и служащих подоходным налогом.

1. Квартирники, работающие на дому без применения наемного труда из материала обслуживаемого ими торгового предприятия, облагаются основным подоходным налогом, как рабочие данного предприятия по группе „А“.

2. Коммивояжеры, обслуживающие согласно заключенному договору только одно данное предприятие и не производящие операций за свой счет и от своего имени, рассматриваются, как служащие данного предприятия, хотя бы они работали не за определенное жалованье, а за процентное и комиссионное вознаграждение. Сказанное относится также к торговым служащим и к торговым агентам.

3. Агенты - аквизиторы, страховые агенты, районные инспекторы Госстраха, не обслуживающие других страховых предприятий, привлекаются к обложению основным подоходным налогом на общих для рабочих и служащих основаниях, хотя бы они получали по своей должности, кроме окладов содержания, еще комиссионное вознаграждение.

4. Циркуляром Госналога от 9 апреля 1925 г. раз'яснено по вопросу обложения основным подоходным налогом рабочих и служащих, имеющих подсобные заработки, что это обложение должно производиться по тому признаку, по которому плательщик относится к высшей группе. Поэтому рабочие и служащие, имеющие какие-либо другие, кроме подсобных занятий свободными профессиями, источники дохода, не привлекаются к обложению по категории „А“ лишь в том случае, когда оклад налога по категории „А“, причитающийся с таких лиц, ниже, чем по другим признакам (Фин. Газ. № 88 за 1925 г.).

Из смысла этого циркуляра следует, что рабочие и служащие, имеющие подсобный заработок от занятия литературой и другими свободными профессиями, должны независимо от размера этого заработка облагаться основным налогом по категории „А“. (Примечания 1 и 2 к ст. 9 Положения о госуд. подох. налоге 29 октября 1924 года).

Налоговая памятка.

10 мая—срок уплаты в домоуправления целевого квартирного налога плательщиками его за май.

15 мая — срок рассылки фининспекторами напоминаний лицам, не подавшим деклараций по прогрессивному налогу.

15 мая — срок уплаты второй половины прогрессивного налога за первое полугодие 1924/25 бюдж. года.

К 15 мая—должны быть закончены Откомхозом и финорганами работы по учету земельных участков, застроенных и не застроенных.

Ответственный редактор **И. Дерзибашев.**

Книжный отдел издательства „Рабочий Суд“.

ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Октября, д. № 54.

Телефоны: 172-64 и 232-34.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ

НОВЫЕ КОДЕКСЫ (1925 года),

дополненные и измененные Постановлением 2-й Сессии ВЦИК XI Созыва:

Гражданский Кодекс РСФСР

с алфавитно-предметным указателем. Цена 40 коп.

Гражданско-Процессуальный Кодекс

с алфавитно-предметным указателем. Цена 40 коп.

Уголовный Кодекс РСФСР

с алфавитно-предметным указателем. Цена 40 коп.

Уголовно-Процессуальный Кодекс

с алфавитно-предметным указателем. Цена 40 коп.

Кодекс Законов о Труде

с алфавитно-предметным указателем. Цена 25 коп.

Лесной Кодекс РСФСР

с алфавитно-предметным указателем. Цена 20 коп.

Земельный Кодекс

с алфавитно-предметным указателем. Цена 30 коп.

**Положение о Судостроительстве РСФСР и
Верховном Суде СССР.**

Цена 30 коп.

Ветеринарный Устав

Цена 20 коп.

Кодексы высылаются по первому требованию налож. платежом по почте и ж. д.

В № 7 журнала „СУД ИДЕТ!“ помещен
ПОЛНЫЙ СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ
по делу УССАСА.

Из предисловия тов. КРЫЛЕНКО:

„Широкое распространение фактической стороны этого дела среди трудящихся масс нашего Союза и в особенности трудящихся масс Польши мы считаем в высокой степени необходимым и полезным актом“

ЮРИДИЧЕСКАЯ
КОНСУЛЬТАЦИЯ

при конторе „Рабочий Суд“ (Проеп. 25-го Октября, № 54)

дает советы и заключения
по вопросам жилищного законодательства.

КОНСУЛЬТАЦИЯ ОТКРЫТА:

по понедельникам, средам, пятницам от 5—6 час.; по вторникам, четвергам, субботам от 12—1 часу.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „РАБОЧИЙ СУД“.

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

1905-й год перед царским судом.

СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

СОДЕРЖАНИЕ:

1905-й год перед царским судом.—(Вместо предисловия).—И. Гладнев.

Петербургский Совет Рабочих Депутатов.

Процесс Совета Рабочих Депутатов.

Суд над „очаковцами“.

Речь П. П. Шмидта на суде.

Последнее слово П. П. Шмидта.

Приговор.

Казнь.

Декабрьское восстание в Москве.

Ленин о Декабрьском восстании.

Суд на месте.

Процесс 32-х.

Прохоровско-Пресненское дело.

Фидлеровское дело.

В тексте 17 иллюстраций. Цена книги **ОДИН рубль.**

Продажа производится в книжном магазине издательства „Рабочий Суд“ (Проепект 25 Октября, 54) и во всех лучших книжных магазинах.